

Геннадий Кожемякин

БЕЛЫЕ НОЧИ ЧЁРНОЙ ВДОВЫ

Психологический детектив

Геннадий Кожемякин

**Белые ночи чёрной вдовы.
Психологический детектив**

«Издательские решения»

Кожемякин Г.

Белые ночи чёрной вдовы. Психологический детектив /
Г. Кожемякин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747722-6

Типичное на первый взгляд ограбление инкассации надолго оказывается «висяком». Выясняется, что один из нападавших застрелен не инкассаторами. Тогда кем? Дальше — больше! Деньги из инкассаторской машины достаются прозябающему в нищете поэту-любителю, безвольному и затюканному жизнью. И тут его понесло! Он с «атаманшей» банды бежит на юга, где раскручивает себя на эти деньги в качестве знаменитого шансонье... Что из этого вышло? Читайте:-) Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-747722-6

© Кожемякин Г.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая. Ограбление инкассации	7
Глава вторая. Начальник УГРО	13
Глава третья. Встреча с «банкирами»	16
Глава четвёртая. «Муки творчества»	25
Глава пятая. Ротан	29
Глава шестая. Визит отца	35
Глава седьмая. Туарег	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Белые ночи чёрной вдовы Психологический детектив

Геннадий Кожемякин

Фотограф Жанна Бердан

© Геннадий Кожемякин, 2018

© Жанна Бердан, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4474-7722-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

К Уважаемым Читателям, с наилучшими пожеланиями!

НАРОДНАЯ АРТИСТКА РОССИИ Л. В. ЗАЙЦЕВА

С удовольствием хочу представить читателям остросюжетный психологический детектив моего друга Геннадия Кожемякина

Людмила Зайцева и автор книги.

То, что пишет он профессионально, ярко, не вызывает сомнений. По первому образованию, я журналист, приходилось и мне много писать, общаться с выдающимися нашими писателями, так что, как сейчас говорят – я в теме. Познакомились мы в экстремальной и трагической обстановке осени 1993 года. С тех пор и общались и мне приятно сказать, что я горжусь нашей дружбой, нашей неизменно схожей политической позицией; общаясь, обсуждая различные события в жизни как нашей страны, так и всего, что происходит в мире, мы помогаем друг другу убедиться, что всё именно так, а не иначе. Конечно, бывало, спорили между собой... Геннадий Кожемякин глубоко знает историю России, искренне любит нашу Родину, он патриот в лучшем значении этого слова. Человек интересный, разносторонний. Ну, и самое главное – он действительно хорошо и интересно пишет! Но, к сожалению, очень редко! Как сказал ему, много лет назад один сценарист и режиссёр:

– Я, Гена, видел людей, которые не умеют писать, но пишут. Но я впервые вижу человека, который может писать и должен бы, но не пишет!

Я прочла этот детектив. Переосмыслила. Пропустила через себя. И поняла, что делает просто хорошее литературное изложение – поистине талантливым. Мастерство помножен-

ное на уверенность в своих силах! Геннадий пишет смело. Чётко, размашисто, задорно! Он не боится сбиться с курса, выйти за рамки, он уверенно владеет пером! Так ведёт себя на театральной сцене – мастеровитый, опытный артист! Так катает свою программу классный фигурист! Чётко, спокойно и на кураже! Так творят люди уверенно владеющие базовым мастерством! Именно оно позволяет им импровизировать и искать новые пути! Так работает Геннадий Кожемякин! Я рада, что Геннадий вновь пишет книги, потому что он хорошо и со вкусом умеет это делать! Читайте, дорогие мои! Вам судить!

2.04.2016г Л. Зайцева, Народная артистка России.

Глава первая. Ограбление инкассации

*«На одного Робина Гуда приходится миллионы и миллионы
всяческого сброда: беспринципных убийц, алчных грабителей
и прочих проходимцев»
(данные статистики)*

Бодрый московский пенсионер со стажем, можно даже сказать пенсионер с большим пенсионным опытом, Владимир Михайлович Петров недавно справил юбилей. Стукнуло ветерану труда семьдесят пять. Не бог – весть, какой возраст по сравнению с иными старожилками, но учитывая, что всю жизнь Петров горбатился на вредном производстве – изготавливал лаки и краски – и этот возраст – большое достижение. По нашим-то временам. Пенсионная жизнь его большим разнообразием не баловала. Каждый день, был похож на предыдущий, и был он всегда, какой-то полусонный. А ночь наоборот – бессонной.

Приобрёл по случаю щенка. Петров любил говорить, что тем, что он жив до сих пор, – обязан собственной собаке.

– Бывает, – говаривал он, лежишь в постели и не знаешь на каком ты свете – так плохо. А тут, Шерхан (это его пёс, породы доберман) подбежит, одеяло стянет, мол, пошли гулять, хозяин и – вперёд! Кое-как с тахты сползёшь, оденешься с грехом пополам, а через пять минут уже трусцой бежишь, как миленький!

Собака за собой тащит! Домой вернёшься окрепший, пропотевший и сразу же душ контрастный запустишь! А потом целый день, как заводной, движешься, словно батарейки тебе заменили! Правда, к вечеру они садятся».

В это утро Владимир Михайлович как всегда бодро трусил за ретивым псом, обмотав для верности поводок вокруг кулака, а то, не ровен час вырвется – проблем не оберёшься: прохожих собака жаловала через раз. Правда, их по утрам мало, но всё же... Думал Михалыч о всякой бытовой всячине: о пенсии в конце недели, о футбольном матче по телевизору; о гречке, которую перед прогулкой кипятком залил, чтоб поднялась...

Он не сразу сообразил, что происходит: утреннюю тишину разорвали хлопки одиночных выстрелов, словно где-то неподалёку завязался бой. Повинуясь инстинкту, Петров остановился как вкопанный, невзирая на собачий протест, выраженный в яростном подёргивании поводка. Сквозь проплешины в листве кустарника, растущего вдоль трассы, он заметил, как от инкассаторской машины, одиноко притулившейся на пяточке, чуть в стороне от дороги, отделилась некая фигура и устремилась к стоящему у обочины синему «Жигулёнку». «Фигура» сгибалась под тяжестью небольших, но пузатых мешков. Секунда – и человек скрылся в кабине, завёл мотор и резко, «с места в карьер» – стартанул вниз по шоссе. В эту пору оно ещё было свободно от автомобильных потоков.

Бронированная инкассаторская машина не подавала признаков присутствия жизни: боковая дверь была приоткрыта, а около неё, на земле, темнел чей-то неподвижный силуэт; похоже, этот человек был мёртв.

... Кто и как заманил их в эту сауну с омерзительными, древними проститутками и самогоном, который почему-то все присутствующие черпали кружками прямо из огромного оцинкованного ведра, майор уголовного розыска Фёдоров уже и сам не мог понять. Очевидно он оказался здесь по оперативной необходимости. В глазах его рябило, а тело было ватным...

Ясно было одно: отсюда надо литься! И в первую голову спасать попавшего вместе с ним в переплёт престарелого и немощного полковника Режимова – своего прямого начальника.

Когда же выяснилось, что их табельное оружие уже кем-то похищено, остался лишь один выход: как есть в простынях сигать в окошко предбанника и попытаться скрыться затерявшись среди немногочисленных в это время суток прохожих. Ситуация идиотская, но ничего другого уже не оставалось! А жить хотелось. Первым из окна сумел выбраться тщедушный полковник, а вот габаритный, широкоплечий Фёдоров застрял в узком проёме. Но он упрямо лез и лез, что есть сил, и уже почти вырвался наружу, когда почувствовал, что множество цепких рук схватили его за ноги и, остервенело, пытаются втолкнуть назад. Майор отбивался как пан-филосов – Хома Брут от вурдалаков. Последнее, что он успел увидеть, это скрывшийся во тьме силуэт Режимова во всём белом.

– Хорошо хоть полковник ушёл! – только и успел подумать спелёнутый простыней Фёдоров, и в отчаянии, задрывав ногами, проснулся. Всё чаще майору снились подобные сны. Служба психологической разгрузки сотрудников повышенной группы риска была у них – не на высоте.

Саднил большой палец правой ноги, которым он от души приложился в стену.

– Ещё после последней чеченской командировки, собирался же обложить пространство у кровати широкими пухфиками, – нет, всё руки не доходят! – сердито думал офицер.

Всё тело майора ныло и покрылось испариной. Оказывается, что во сне он, буйно ворочаясь, и впрямь запутался в тонком и влажном одеяле. А тут ещё жара! Дурацкие сны снились майору довольно часто, в особенности после бурных возлияний, и просыпался он тогда, мягко говоря, не в настроении. Так было и сейчас. Сердито протерев глаза офицер, прищурившись, уставился на циферблат будильника, силясь разглядеть в полумраке, который час. Ему показалось, что около шести. Если так, то можно смело поспать ещё пару часов. Согнув ногу в колене, он подтянул к себе ступню и помассировал пострадавшие пальцы. Однако боль не унималась. Кровь в ушибленном месте запульсировала толчками и майор, чертыхаясь, запрыгал на одной ноге в ванную, чтобы сунуть стопу под холодную воду.

– Хорошо ещё, что в последнее время хоть сплю один, а то б заехал зазнобе ногой! Как тогда кулаком Полинке! – думал он, подставив ногу под ледяную струю и осторожно пошевеливая покрасневшими пальцами. Сотни иголок вмиг закололи в месте ушиба, и это означало, что «процесс охлаждения ударенной поверхности» стопы протекает надлежащим образом. Как и учили их когда-то – на семинаре по оказанию первой доврачебной помощи. Когда ступня почти потеряла чувствительность он, уже довольно уверенно опираясь на пятку больной ноги, вернулся на кровать и снова подумал, что не худо бы всё же доспать пару часов. Устроившись поудобней, в успевшей приятно подостыть постели, майор попытался отключиться. Когда неясные видения приближающегося сна, крадучись, взялись, наконец, обволакивать его сознание, на тумбочке, у изголовья дивана, предательски зарокотал мобильник.

– Кто бы это с утра пораньше!?! – сердито подумал полицейский, хватая трубку. Нажав кнопку ответа, Фёдоров услышал:

– Доброе утро, товарищ майор! Помощник дежурного – прапорщик Кучин. На Таллинской ограблена инкассация. Есть убитые!

– Когда случилось!?! – рявкнул майор. Он включил громкую связь и, не прерывая разговора, уже торопливо одевался.

– Пока ничего толком неизвестно! Кто-то позвонил, сообщил, не представившись, пару минут назад. Женский голос.

– Выезжаю! Машину за мной не высылать! Хотя...

Отправьте её за Кожановым! А то два года – сам добираться будет! Звонили ему уже?

В трубке воцарилась секундная пауза. И тот же голос вновь зарокотал:

– Это... Как же... Вам первому полагается звонить!.. Сейчас остальных оповестим и его само собой.

– Вот и действуйте!

Спал похоже, помощничек дежурного, не проснулся ещё! – подумал майор сердито.
– Всё ясно, товарищ майор! – Трубка залилась короткими гудками.

* * *

Когда звонок дежурного разбудил майора полиции, было уже начало седьмого утра. К месту преступления, он подъехал, прямо из дома, на собственной, выдавшей вида – «Опель-Омега». «Прокурорские», в смысле – «следственники», ещё не приехали, и это было уже хорошо. Как полушутя говаривал майор, после них бедному менту – делать уже нечего, да и ещё отметят в рапорте – как долго полиция добирается до места происшествия.

На долгом веку начальника уголовного розыска отделения полиции г. Москвы Игоря Фёдорова хватало разного рода криминальных событий. Случались и так называемые резонансные преступления, когда непременно приезжает высокое начальство из министерства и прокуратуры, громкие ограбления и много чего ещё. Но с подобным коллапсом ему приходилось сталкиваться впервые.

А именно: в непосредственной близости от отделения «Росскредбанка» (прозванного в народе «Обьебанком», так как раньше он носил название – «Объединённый банк»), на улице Таллинской ограблена инкассаторская машина – типовой бронированный «Фольксваген». Такие нынче, повсеместно, используются, для перевозки солидных денежных средств и материальных ценностей.

Типичное на первый взгляд (но – лишь на первый!) ограбление. Инкассаторы нарушив инструкцию, сами открыли дверь грабителям; и именно в этот раз, они, как выяснилось, перевозили особенно солидную сумму денег. То есть тут явно не обошлось без «наводки»; все они расстреляны на месте. Одним словом, всё – как и должно быть при «нормальном» нападении. Если бы не одно но! Около распахнутой дверцы ограбленной машины ничком примостился труп одного из грабителей с пулевым отверстием в голове.

Вроде бы всё ясно: бандиты атаковали инкассаторов. И кто-то из тех успел перед собственной гибелью застрелить одного из разбойников. Друзья бросили убитого на месте преступления, так как, видимо, очень торопились или что-то их спугнуло. Понятно, что надёжней бы для них было прихватить этого «свидетеля», хотя бы и мёртвого – с собой. Даже не слишком искушённые в подобных делах бандиты должны понимать, что иной мёртвый свидетель, способен «рассказать» куда больше живого!..

Отсюда ряд предварительных выводов: нападавшие или совсем уж дилетанты, лишённые элементарного соображения, хладнокровия и расчета, – тогда перспектива скорого раскрытия дела – имеет место быть. Или преступников что-то спугнуло, заставив без оглядки рвать когти. Вероятнее всего, внезапное появление кого-то, представляющего для них опасность. Это, конечно, тоже в плюс потенциальному раскрытию. Но кто может представлять для них опасность?

Все первичные умозаключения полетели прахом, после предварительного вывода экспертов: пуля, которой убит один из нападавших, выпущена не из табельного оружия бойцов инкассации (более того – они не успели сделать ни одного выстрела), а убит он с приличного расстояния из снайперской винтовки Драгунова, по полицейской терминологии – так называемым «третьим лицом».

Случайный, а равно и преднамеренный выстрел кем-то из своих исключался: пуля прилетела издалека.

И пулю-то злодей получил не в спину, что было бы ещё более или менее понятно – свои, по какой-то причине убрали, а в лоб, когда находился лицом к инкассаторской машине. При-

чём по предварительному заключению экспертов выстрел был произведён с расстояния, приблизительно ста метров.

Таким образом, столь милая сердцу опера хрестоматийная картина, когда во время ограбления завязалась перестрелка, в которой погибли два инкассатора и водитель, а кто-то из них успел застрелить одного из нападавших – рассыпалась в прах! Выслушав обстоятельный доклад старшего эксперта, майор отправился в райотдел, поручив разбираться в деталях на месте, очень кстати подъехавшему старлею Кожанову, своей «правой руке». Фёдоров всегда был убеждён, что в подобной ситуации лучше не «устраивать совещание», а поразмыслить обо всём отдельно друг от друга.

И уж потом делиться результатами – «кто и чего намыслил». Приехав в отделение, он заперся в своём кабинете, отключил все телефоны, по обыкновению, заварил себе крепкого чая и не спеша, прихлёбывая из «фирменной» кружки с логотипом «МУР», уставился в свой предварительный набросок. Лист – «схему происшествия», которые всегда рисовал сам для себя, в подобных случаях. Для пущей, так сказать, наглядности.

– Дурацкое какое-то ограбление! – сердито думал офицер. – Как и сновидение утреннее... Опять же – оставили нам покойничка. Изучайте личность, мол!...

Кстати, надо подождать результатов дактилоскопии. Наверняка этот молодец, где-то засвечен. Да... Оставили нам труп своего кореша, ещё и набитого трофейными инкассаторскими пистолетами... (в карманах убитого лежали два инкассаторских «ИЖа»).

– Это что же должно случиться, что бы так сигануть с места преступления?! – размышлял майор, неспешно прихлёбывая близкий к чифирю напиток. – Допустим испугались неизвестного стрелка... это ещё понятно, но... Опять же... А он-то откуда нарисовался – стрелок этот!? – Робин Гуд задрипанный. Идиотизм, какой-то!» – размышлял майор, сердито набрасывая на схеме разные стрелочки и кружочки. Сейчас Фёдорову вспомнился известный эпизод с начальником гестапо Броневым из «Семнадцати мгновений...»; а именно – слова взбешённого Мюллера в связи с неожиданным убийством негодяя – гестаповца, хорошим эсэсовцем и последующим бегством русской радистки:

– «А вообще всё так глупо, непрофессионально и бестолково ими сделано, что просто невозможно нормально работать!»...

– Так и здесь! – Напали в оживлённом месте на инкассаторскую машину. Оставили нам «для облегчения поисков и экспертизы» труп своего поделщика. А вместе с тем и два ствола, которые тот успел изъять у убитых им инкассаторов...

А уж оружие-то лишним для бандита не бывает. Снайпер какой-то опять же! Явно их враг или конкурент...

А может убитого изначально, как «куклу» вели? Прямо Шекспир сплошной, а не ограбление! Без фантазёра милицейских будней – Корецкого, не разберёшься...

С самого начала Фёдорову было ясно, что если он выйдет на этого загадочного «Робин Гуда», то на девяносто процентов раскроет и общую картину преступления. Но где его искать? Эксперты пока не могут указать место, откуда произведен выстрел... Винтовку до сих пор найти не могут. Унёс он её с собой, что ли!? На плече!?

Наверное, хорошо бы было, вместо всего этого бесконечного грязного спектакля, просто ездить инспектором по объектам банка (куда давно приглашают). Проверять знания охранниками статей «Законов РФ «Об Оружии» и «О частной детективной и охранной деятельности»... И зарплата – не в пример моей, и ночью (подумать только!) сон спокойный...

И, кстати, никаких ушибленных во сне ног!

Расследование осложнялось тем, что событие произошло в раннее время, что-то – около шести утра. Хотя по идее «час собачников и физкультурников» уже наступил, и вполне вероятно, что у преступления были свидетели. Даже – скорее всего – они есть! Уже не говоря о том,

что неподалёку от кровавого пятка пролегает довольно оживлённая трасса, а прямо напротив расположен многоэтажный жилой дом. Трасса...

– А не мелькнул-ли тут полицейский патрульный автомобиль? А? – Банду спугнули, подъехали, увидели пару брошенных бандитами мешков с деньгами, прижали их себе, и – ноги в руки! И молчок! С них станется, с этих патрульных соколов...

Вместо того, чтобы сообщить о преступлении – испарились с места и сейчас добычу делят. «Ничего не видели, ничего не знаем».

Ряд нюансов по этому делу вполне позволял допускать подобное развитие событий.

– Или – та же банковская группа оперативного резерва это провернула, а не наши бедные, «увешанные всеми собаками „полицейские“? Вполне ведь – тоже могли!» В банковских опергруппах – лихие ребята работают...

Немного пораскинув умом, Фёдоров сделал в блокноте ряд пометок, в которых не специалист бы ничего не понял:

«1) работа с опергруппой банка – ночные выезды; куда выезж. Кто дежур. 2) менты. проверка – кто, когда по какому маршруту нёс караулку в наших краях. Сверить с записью дежурного в книге деж.

Опрос дежурного – на дому – Кожанов». Опрос дежурного – опергруппа банка – я.»

Краткая, на первый взгляд, пометка – «сверить с записью дежурного» означала на самом деле, развернутый допрос этого самого дежурного на предмет точности и соответствия, регулярно вносимых в «Книгу выездов» записей, с одновременной многоплановой проверкой его самого как возможно находящегося с разъездной группой в створе. И своими липовыми записями, покрывающего злоумышленников. Возможен так же вариант липовых записей и без состава преступления. О, Божееее!

Это к тем случаям, когда эти деятели из опергруппы, к примеру, выпивают «на базе», едут по бабам или просто дрыхнут, а дежурный по-дружке отмечает им в журнале всякую туфту... Бывали и случаи когда водила банковской оперативной машины всю ночь тупо «бомбит» на ней, приработка ради, а считается, что группа в поте лица по Москве колесит, объекты проверяет и тд. Самое паскудное, что в любом случае – дежурный будет умело вилять и юлить, стремясь уйти если не от уголовного преследования, то от взыскания по службе. Пойди же – разговори такого умника, когда на кону – шутка ли – его месячное жалование, а то и увольнение!

Нюансов масса и, если их не знать или, по меньшей мере, не уметь предугадать логикой человеческого поведения – нечего и соваться в опера!

За этими мыслями Фёдоров забыл про чай, и тот немного остыл. С досадой отодвинув чашку (он всегда говорил, что – чай должен быть или горячим или холодным, но никак не тёплым), майор вновь взялся за блокнот. Испещрив новыми пометками ещё пару страниц, он решил снова выехать на место преступления, благо было недалеко. Решил ехать на своей «Омеге», без всякого официоза и, естественно, «по-гражданке». Было около одиннадцати утра, и на улицах – почти никого. Подъезжая к месту происшествия, Фёдоров всматривался в особенности прилегающей местности и силился понять, что же могло в реальности происходить здесь ранним утром. Что заставило таких дисциплинированных, строго контролируемых и многократно проверенных людей как инкассаторы, подъехать сюда в шесть утра, в то время как инкассирование объекта никогда не проводилось раньше восьми ноль – ноль! Ну, – восьми двадцати? (это он выяснил сразу, пообщавшись со старшим охранником отделения).

И, главное – кто и зачем выпустил из гаража раньше времени инкассаторскую машину? А ведь оттуда до офиса, где они загрузились, а потом и до места событий, ещё и доехать надо. А это, как минимум, сорок – пятьдесят минут даже с учётом относительно свободных в это время дорог...

Далее! – Жилой сектор. Он тут неслабый. События происходили прямо напротив двенадцатиэтажного дома, который, между прочим, метров сто в длину. Беглый поквартирный обход, «по горячим следам» ничего не дал: никто, разумеется, как всегда, ничего не видел и не слышал. С начала 90-х, наши люди вообще как-то перестали видеть и слышать. По крайней мере – бесплатно.

Однако, со слов начальника Департамента Безопасности банка вот-вот должно быть ретранслировано сообщение о солидном вознаграждении тому, кто поможет какой-либо информацией, способствующей раскрытию ограбления. Как это всегда и происходит, когда затронуты интересы банка или какой-то солидной компании.

Правда, по опыту Фёдоров знал, что подобные приманки часто привлекают не вполне адекватных людей и ему непременно придётся выслушать пару-тройку бабулек, для которых понятие ночь и день давно и безнадежно смешались. Однако вполне вероятно, что среди соискателей награды окажутся и действительно ценные свидетели, чья гражданская позиция позволяет им помалкивать о преступлении, если за информацию не платят и развязывает язык, когда за неё светит вознаграждение.

Понимая, что ничего нового он уже не высидит, Фёдоров отложил листок – «план действий» и включил мобильный. И тут же его трель нарушила тишину кабинета. Фёдоров взглянул на дисплей.

Вместо номера на табло навороченного телефона нарисовалась сияющая физиономия его молодого приятеля – Лёши Ветрова, в народе – Ротана, которого он не так давно обещал пристроить инструктором по спорту в ГУВД. Парень был спортсмен, весельчак, балагур и неисправимый бабник – всё это в одном флаконе. Общаться с такими хорошо, когда ты в отпуске.

А сейчас майору было не до него, и он хотел сбросить звонок, но подумал: этот так просто не отстанет – будет весь день названивать! С явным неудовольствием он нажал кнопку ответа.

– Да, Леший, что у тебя?

– Ну вот! Это вместо «Здрасьте», да!? Сразу видно сурового милицейского начальника. Ему друг звонит пригласить на рыбхоз, а он – «Что там у тебя!?» – Ротан был явно в хорошем расположении духа. Впрочем, как и всегда. В здоровом теле – здоровый дух!

Фёдоров сейчас не разделял его оптимизма и решил особо не церемониться.

– Слышь, деятьель! Во-первых, не милицейского, а полицейского, привыкнуть пора бы. А во-вторых, если б у меня по работе были лишь твои будущие заботы, – как сосчитать сколько раз подтягивался толстый сержант, до того, как похудеть, я бы тоже век вековал со спиннингом на рыбхозе. Я ща занят по горло. Освобожусь – звякну! Всё, давай...

– Вас понял, господин майор! Созвонимся попозже! – веселье явно не покидало Ветрова.

Но на самом деле не было, наверное, сейчас в Москве человека более взволнованного и напряжённого, чем он, весельчак и балагур Ветров. А всё потому, что он уже давно знал про ограбление и знал куда больше, чем сотрудник уголовного розыска, майор Фёдоров.

Глава вторая. Начальник УГРО

Игорь Фёдоров, сорокатрёхлетний майор уголовного розыска, был невысоким, коренастым мужчиной, что называется – «в предпоследнем расцвете лет». Он получил хорошее образование на химическом факультете МГУ, который окончил с красным дипломом. Вместо того, чтобы принять приглашение в перспективную нефтяную компанию, где его явно ожидало заманчивое по ныне принятым представлениям будущее,

Игорь, неожиданно для всех, а может даже и для себя самого, подался на службу в районный отдел милиции на должность эксперта – криминалиста.

Едва ли и тогда он предполагал, что его работа будет заключаться в «киношных» задумчивых стояниях над раскуроченным сейфом и философских коллоквиумах у уютного камина, с каким-нибудь новоявленным – капитаном милиции доктором Ватсоном...

Но тусклая и в то же время грязноватая, суетливая реальность превзошла всё! После непродолжительной, но интенсивной стажировки у уходящего (а точнее сказать – с удовольствием сваливающего) на пенсию подполковника Работина, старшего эксперта – криминалиста отделения, Фёдоров довольно быстро вошёл в курс дела. Вскоре ему уже было лучше других известно, почему на кадрах из криминальных хроник у большинства трупов, как правило, приспущены брюки с трусами, а иногда даже и сняты носки.

Он быстро научился распознавать, по показанию температуры тела, – время смерти покойного, вставив бедняге градусник в анальное отверстие. Сноровисто находить за щекой или в носках убитого, предсмертные записки, утаённые от убийц и на убийц же указывающих! И ещё многое другое из того, что не ведомо ни нам, простым смертным, ни многим молодым кинорежиссёрам – «ботаникам», пытающимся снимать «правдивое» кино о криминальном мире.

Как известно, одна из наших проблем – в том, что мы смотрим фильмы о войне, которые снимают люди, никогда не воевавшие! Не ощутившие как холодный пот «проникает в мозг»... а фильмы о любви, зачастую шлёпают люди, которые никогда никого не любили... По крайней мере никого кроме себя.

Есть такие герои, которые шли работать в милицию в поисках романтики. Их меньше, чем нас пытается уверить новоявленное «политуправление внутренних дел», но они все же есть!

Есть и те, кто идёт туда за властью и проистекающей из неё личной выгодой...

Зачем сподобился работать в милиции, а теперь, вот, в «родной полиции» Фёдоров, он сам так до конца и не понял. Отчасти по первой из вышеупомянутых причин, отчасти и по второй. Но только отчасти. А может быть просто из какого-то внутреннего протеста. Да, да! Было что-то до боли примитивное и банальное в том, чтобы принять «нефтяное» приглашение, влезть в белую рубашку и строгий костюм и пополнить многочисленные ряды клерков. Яппи...

– «...Тебе повезло! Ты не такой как все! Ты работаешь в офисеее»!...

Бессмертная издевательская песня Шнура, неспроста возымела успех в постперестроечной России. – Нет уж, благодарствуйте! – думал Игорь. Офисный планктон – не моё! Едва ли «моё» было и то, с чем он столкнулся здесь, но всё же подобная работа как-то тормозила, встряхивала что-ли (как же иной раз хотелось, чтобы не так сильно!), в отличие от серых будней подавляющего большинства сограждан.

А впрочем, всему своё время, и всё надо выстрадать.

В последние годы наглотававшийся за долгую службу своеобразной оперативной романтики, Фёдоров был уже вроде и не прочь податься на более цивилизную работу. Наподобие

службы инспектора Департамента Безопасности банка по работе с личным составом. К этому он потихоньку и вёл. Тайком от начальства, конечно.

У Игоря Фёдорова было врождённое и очень хорошее

(и изрядно используемое руководством) качество – он всё делал добросовестно. И то, что ему нравилось, и то, что ему было противно. Он и на химфаке так учился, хотя уже ко второму курсу понял, что занимается не своим делом и на самом деле ему куда интересней – та же биология.

Один из его приятелей, журналист, даже как-то сострил за выпивкой, что «если бы, мол, Игорю поручили расстрелять взбунтовавшихся рабочих, то он бы с отвращением, но точно и в срок выполнил это указание. А потом, с ещё большим отвращением сделал бы каждому из трупов по контрольному выстрелу в голову и, уж только потом, с возмущением бы подал рапорт об отставке».

Незадачливый остряк-самоучка, схлопотал тогда «торпеду» и даже не поленился накатать на Фёдорова жалобу в прокуратуру, но там (негласно) сочли действия милиционера справедливыми (защищал от «навозной мухи» честь мундира) и немного пострадав для профилактики, спустили дело на тормозах. Тем более, что вскоре произошло примирение сторон. Да и журналистом был всё-таки не какой-нибудь из вечно торчащих на телеэкране «звёзд», а рядовой бумагомарака из местной газеты.

И, всерьёз, ссориться с уважаемым в районе ментом, ему тоже никакого резона не было.

Но если в юридическом смысле инцидент сошёл Фёдорову с рук, то в моральном плане оставил неприятный осадок. Чем больше Игорь думал о словах «терпицы», тем отчётливее понимал, что его «битые уста» тогда, увы, глаголили истину.

А ещё – Фёдорову вспомнилась история с некогда знакомым ему парнишкой по имени Вадим, с биологического факультета.

Тот был кандидатом в мастера спорта по боксу, прошёл хорошую подготовку в ВДВ. По окончании учёбы устроился в ОМОН командиром взвода. Служил ревностно, добросовестно и быстро набирал в глазах начальства бонусы по службе. Нужно было видеть как в любую погоду, по колено в грязи он терзал подопечных на полосе препятствий и в маршбросках. Сам всегда впереди! Личный пример он ставил во главу угла любой командирской деятельности...

А потом был кровавый Октябрь – девяносто третьего...

При участии в трагических событиях у «Белого дома» он со своими ребятами явно перестарался «защищая молодую ельцинскую демократию». Механически выполнял приказы, о которых лучше и не вспоминать. Тогда командир был отмечен руководством, премирован и повышен в звании, а вскоре должен был получить квартиру, (их сулили ещё до кровавого штурма», но почему-то всё больше снижал и, аккурат на вторую годовщину печальных событий кровавого октября, пустил себе пулю в висок. Прямо дома, у телевизора, который передавал репортаж о тех страшных и катастрофических для Истинной Российской Демократии событиях.

Кстати, на похоронах большинство комментариев сослуживцев сводилось к тому, что – «чего, мол, парню не хватало – вот-вот бы и квартиру отдельную получил!»

Очевидно, подавляющее большинство из них, считали, что свести счёты с жизнью можно лишь из-за скудного жалования или неурядиц с жилплощадью, но никак не по другим причинам...

И чем больше Фёдоров обо всём этом думал, тем больше злился и на себя, и на свою работу. На работу – перемалывающую любую индивидуальность, делающую тебя просто винтиком в чьей-то далеко не всегда красивой игре. Винтиком давно не смазанного и сбоящего, а главное непонятно кому и для чего служащего, механизма.

Приход к власти отставного подполковника КГБ Путина, несколько развеял тягостные мысли, как-то обнадёжил. Поэтому инициативу сверху о кардинально новом подходе к работе органов внутренних дел и даже последующую смену названия на «Полиция» он воспринял с полным пониманием. Хотя и величал теперь сослуживцев «полицейскими», в силу своего неистощимого чувства юмора...

И всё же Игорь иной раз ловил себя на том, что как бы, даже завидует своему заму Кожанову: тот абсолютно не грузился какими-либо сомнениями. Дали дело – делай смело!

Для Фёдорова же было два пути: психологически перестроиться и вообще «не париться» излишними философскими размышлениями и просто стараться быть «лучшим по профессии», привычно карабкаясь по служебной лестнице наверх или пытаться что-то изменить в лучшую сторону. Исходя из своих собственных представлений о справедливости и общественной значимости своей работы. Первый вариант – слабо подходил для не семейного офицера, который не может сосредоточиться на банальном обустройстве домашнего очага, обманывая себя безотказным – «мне семью кормить надо!»

Второй вариант слабо подходил по той причине, что майор Фёдоров был всё же не безусый идеалист – лейтенант и хорошо понимал, что изменить эту систему нереально, а львиная доля жизни уже прожита в ней!

Фёдоров избрал третий, свой собственный вариант: не делая особо резких движений и пользуясь наработанными по службе связями, не спеша подыскать новое место работы, благо его предпенсионный возраст это позволял. Тем более, что генеральские лампы ему явно не светили. Как, впрочем, и всем людям подобного склада. И, тогда тихо и по-хорошему уволиться.

Именно такой работой и должна была стать не шибко «звёздная», но вполне «кормовая» должность Ведущего специалиста, а в перспективе и заместителя начальника отдела охраны коммерческого банка.

И как раз именно – «Росскредбанка», чья машина инкассации и была ограблена на его подшефной территории! В своё время, контактируя по работе с замом начальника Департамента Безопасности банка Кривцовым, он сначала вскользь, а потом и более предметно оговорил с ним возможность и условия своего перспективного перехода в их структуру. Работа его будет заключаться в сборе информации, в возне с различной документацией, предоставляемой правоохранительным органам, и периодической проверке отделений и филиалов банка на предмет качества работы – службы охраны.

Ничего архисложного: два двухнедельных отпуска в году и пять рабочих дней с двумя выходными. Плюс выходной – до и выходной – после ночных дежурств. Когда выпадет быть оперативным дежурным – по Департаменту Безопасности. И никаких тебе «ночных бдений» в засадах и выездов на убийства.

Неофициальный оклад, он же «депозит» – верная «полтораха зелени» плюс премиальные. И работай хоть до глубокой старости, в отличие от насквозь регламентированных структур МВД, где без Академии за плечами можешь на работу после сорока пяти особо не рассчитывать.

И надо ж такому случиться! – именно на его подведомственной территории происходит кровавое ограбление сотрудников вышеупомянутого учреждения! Прямо – знак судьбы, какой-то! Таким образом ситуация сложилась так, что теперь его будущее напрямую зависит от успеха (или неуспеха) раскрытия этого дела.

Обедать сегодня Фёдоров не пошёл, так как был уверен, что ближе к концу дня его ждёт кое-что, получше, ведомственного борща с салатом из капусты. К нему на работу ожидаются с визитом – собственной персоной Директор Департамента Безопасности г-н Соломин, а с ним и его заместитель, тот самый «благодетель» Кривцов. Принять их у себя ему, разумеется, «будет неудобно» и они плавно переместятся в какую-либо ресторацию.

Глава третья. Встреча с «банкирами»

«Банкиры» прибыли около пятнадцати часов – раньше, чем ожидал майор. Разумеется, Фёдорову-таки стало неловко принимать солидные фигуры в своём обшарпанном, выдавшем виды кабинете «эконом – класса», что он им и объяснил, когда вышел к ним сам. Предложил побеседовать в кафе по-соседству.

Визитёры не возражали насчёт того, что бы съездить, пообедать – возражали они против выбора «этой забегаловки», в качестве «переговорной». Предложили побеседовать в «Большом платане». Стилизованное под «Дикий Запад» заведение нельзя было отнести к числу изысканных и, тем более, респектабельных, но там всегда подавали отличные бифштексы, причём минимальная порция мяса составляла два фунта, т.е. чуть ли не килограмм, не считая гарнира. Всё как в полоумной Америке! Меньшие по объёму заказы не принимались. Это не навязчивое принуждение к обжорству, интерьер под американскую таверну времён Джека Лондона, импонировало многим крупным во всех отношениях бизнесменам и прочим авторитетным товарищам привыкшим жить основательно. Чтобы не сказать – разухабисто. И соответственно же – питаться.

Кривцов и Фёдоров выдвинулись в джипе зам. Директора – т. е. Кривцова. Лимузин Директора, как и джип сопровождения, отправились следом за ними. Самолюбию Фёдорова льстил этот вояж. Небрежно развалившись на заднем сидении модернизированного «Лексуса», он вскользь подумал: – «Ну и кем бы я сейчас был в том «Лукойле»? Сунули бы куда-нибудь на производство – «крекинг-процесс» регулировать... А у нас – я фигура заметная! Вон – какие гости пожаловали!»... Вообще-то ему не было свойственно излишнее тщеславие, но... У всех бывают слабости.

– Соломин в ярости! – прервал неспешный ход его праздных мыслей Кривцов. – После-завтра из Испании Хозяин ожидается. Хотелось бы... Прямо скажем – очень хотелось бы, чтоб к этому времени хоть что-то прояснилось – нам же рапортовать предстоит.

И так – ж... в мыле обеспечена, а уж если ничего не прояснится – голова с плеч! ... Пропавшая сумма, конечно, для него особой роли не играет, – продолжал Кривцов, – но тут репутация банка и всё такое!.. Дело принципа! – Кривцов говорил, как вещал – рублеными фразами, а после каждой – не забывал выпячивать подбородок.

Физиономист Фёдоров давно заметил эту привычку за руководителями разного ранга. Кроме, пожалуй, сановников самого высшего уровня: тем дешёвые «закидоны» уже ни к чему (за исключением находящихся не на своём месте молодых премьер – министров) и они, не вещают, а просто спокойно делают своё дело.

В пику Кривцову майор решил вести себя подчёркнуто непринуждённо и без малейшего намёка на рисовку. Перещеголять собеседника «в понтах» бывает непросто, да и утомительное это занятие! Он нарочито спокойно посмотрел в глаза собеседника и покивал головой...

– Ну, раз дело принципа – значит, и мы отнесёмся к вопросу принципиально! – сказал Фёдоров негромко. – Поработаем с огоньком! По-комсомольски!

При этих словах Кривцов напрягся и кинул пристальный взгляд на майора. Дело в том, что много лет назад его «карьерный подъём», как раз и начался – по комсомольской линии. А уж потом он перевёлся в армию, в Политуправление Округа, генеральским референтом.

– « Неужто и про это ушлый мент уже успел разноухать!?»

И если – да, то зачем? Что сподвигло майора копать в его, Кривцова, биографии?» – замелькало в голове зашоренного банковскими интригами службиста.

На спокойном доброжелательном лице майора ответа он не нашёл и просто приумолк. Майор против тишины тоже не возражал.

Пришло время коснуться фигуры вскользь упомянутого Кривцовым «Хозяина». Многие ошибочно предполагают, что владельцем (хозяином) банка является тот, кто этим банком и руководит официально. То есть Президент или Председатель Правления. В действительности, это, как правило, далеко не так. Фактический владелец банка может быть мало знаком общественности и заниматься совершенно другими делами или и вовсе находиться «в тени». В нашем случае хозяином банка был бывший гражданин Грузии, а ныне – свободной России, хотя и армянского происхождения.

Господин – Сетракян Гамлет Ашотович. В своё время, ещё на заре перестройки он сумел поднять вполне приличные деньги на торговле компьютерами и прочей оргтехникой из США и Японии и на определённом этапе развития решил занять собственный банк. Надо сказать, тогда банки плодились, как грибы. По совету одного уважаемого финансиста из Правительства он поручил это дело молодому, но необыкновенно успешному менеджеру из гремевшей тогда системы бирж «Алиса», выпускнику МГИМО – Струмилину Евгению Александровичу.

Тот взялся за дело с комсомольским задором (он тоже успел немного поработать в горкоме комсомола – вот же была кузница кадров!), привлёк к делу своих многочисленных знакомых, среди которых был и уволившийся в запас старший лейтенант Соломин. Соломина – Струмилин знал по совместным полулегальным занятиям карате. В вотчине легендарного каратэки – рукопашника Штурмина.

В тот период Соломин уже создал свой военно – патриотический клуб «За Родину» и имел в своём распоряжении порядка пятидесяти бойцов. Ребята занимались там рукопашным боем, качались и вполне подходили на роль «первичной охраны» для вновь создаваемого банка. Этот важный момент был учтён кем надо, и Соломина утвердили начальником Службы Безопасности, поручив отобрать человек двадцать – непосредственно для охраны первых двух отделений и головного офиса «Объединённого банка». А остальных надлежало пока держать в резерве на случай – «какого-нибудь вынужденного сбора».

Причём Соломин ухитрился и «резервистам» выбить от банка какое-никакое пособие «для поддержания штанов»! С этого момента, некогда голодные качки, были готовы идти за ним в огонь и в воду!

Господин Сетракян особо не вникал во все тонкости деятельности Струмилина и лишь очертил тому стратегические задачи по завоеванию определённого «финансового пространства» столицы на ближайшие два-три года. Польщённый и окрылённый подобным доверием, Струмилин резво взялся за дело (всегда лучше, когда у хорошего специалиста руки развязаны) и вскоре на экономической карте Москвы появились первые три отделения, к которым чуть позже прибавился филиал на Кутузовском проспекте и ряд автономно работающих обменных пунктов, разбросанных по всему городу. Головной же офис «Объединённого банка» примостился в старинном особняке купцов Туголеевых, в историческом центре столицы. Это было круто!

Конечно, безопасность банка не строилась на усилиях одного Соломина и его команды. Парням из военно – патриотического клуба «За Родину» (впоследствии, в ногу времени, переименован в – «Свобода Духа») как раз отводилась роль охраны на местах, то есть за ними был – так называемый, – пропускной режим.

Реальной же силой обеспечивающей безопасность банка, стали короткостриженные ребята из небезызвестной группировки Щелкунова и «краповики» из спецназа внутренних войск, базирующиеся как в Москве, так и за её пределами. Часть из них торопливо увольнялась «из рядов», чтобы официально пополнить структуры безопасности банка, а часть не торопилась, имея возможность заниматься тем же самым и не снимая погон. Это, кстати, начинало очень высоко цениться повсеместно! Тогда же появился анекдот, про сотрудника МВД, получившего первую зарплату: – «Здесь и деньги платят!? Здорово! А я думал – дадут «ксиву» и пистолет и скажут – «Сам крутись дальше!»

Постепенно банк развился в солидное всероссийское коммерческое предприятие, занимающее серьёзное положение в мире бизнеса. Соответственно крепла и разрасталась Служба Безопасности, почкуясь вновь создаваемыми отделами, группами и под конец – Управлениями. Теперь этот непомерно разросшийся монстр назывался Департамент Безопасности.

Его руководство контактило уже и с руководством МВД и с верхушкой РУОПа (ныне упразднённого). В том числе и лично с одним из его руководителей господином Коршуновым, прозванным в кулуарах Департамента «Нушрок», за его хищную хватку и некоторое внешнее сходство с известным персонажем детского фильма «Королевство кривых зеркал».

Примерно тогда же был создан некий «Фонд социальной поддержки ветеранов МВД», который учредило боевое братство спецназа МВД. Надо ли говорить, что с подачи Соломина, банк быстро стал одним из главных спонсоров вышеупомянутого фонда! Конечно, так называемые «крышевые» расходы банка при этом неизмеримо возросли, но ведь и возможность спокойно развиваться, всё более завоёвывая российский рынок, в те смутные и беспредельные девяностые – дорогого стоила!

Убедившись, что дела пошли в гору, Гамлет Ашотович, после первого же на него покушения, с чистой совестью переселился в Испанию, где, по рекомендации приятеля из Совета Федерации России, приобрёл виллу, и с тех пор лишь изредка, примерно раз – два в году навещался в Москву.

«Раздать надлежащих тумачков» руководству своих многочисленных коммерческих структур, – как он сам именовал подобные вояжи.

Помимо банка он владел сетью автомобильных моек, строительным бизнесом, но вскоре распродал их решив остаться только чистым финансистом.

В знаменитом «Форбсе», где он фигурировал в первой тридцатке «русских бизнесменов» – так и было написано: «Сетракян Гамлет Ашотович; основной род деятельности и источник дохода – инвестиции». Иными словами теперь господин Сетракян мог безвылазно жить на своей вилле, пока его капиталы множатся за счёт роста акций солидных нефтяных, автомобилестроительных и прочих корпораций, банков и промыслов... Он был уже не очень молод, ценил покой и именно поэтому (как ни парадоксально) в последние годы – особенно «свирепствовал» навещая свой банк. По простому принципу:

– лучше пропесочить сотрудников по полной программе раз в год и потом особо не париться, чем где-то не докрутить гайки и, пустив всё на самотёк сомневаться и переживать за ход дел до следующей своей ревизии.

Однако вернёмся на грешную московскую землю, по которой сейчас катит джип, несущий Кривцова и Фёдорова в ресторан «Большой Платан». Некоторое время Кривцов продолжал молчать, что вполне устраивало Игоря. Он любил такие минуты полупрострации, когда можно просто ехать, куда везут и ни о чём не думать. Как бы – не думать...

И, вдруг, ему мучительно захотелось, чтобы Поинка, покинувшая его два года назад, якобы по причине постоянного отсутствия в семье «полноценного мужа», сейчас увидела и оценила всю эту картину: кортеж, обращённые к нему просьбы – агитки банкиров! И его, молодца, небрежно утешающего этих миллионеров, «полноценных мужей», чья дальнейшая судьба, теперь зависит от его умелых действий.

Пожалуй, поглядев на него сейчас она бы вернулась... Ведь она – созерцающая его лишь в домашнем халате и байковых тапочках, даже не представляла, как он выглядит в настоящем серьёзном деле!

А потом ему стало стыдно за эти глупые думки. Он – офицер уголовного розыска, элиты МВД, вполне себе серьёзный человек впал в какое-то ребячество! Неловкость перед самим собой быстро сменилась озлобленностью на всю службу:

– Я, матёрый ментовской волк, который решает серьёзные вопросы, к которому ломятся на приём и ищут расположения солидные люди, не смог удержать подле себя малость избало-

ванную кралю «средней паршивости» (как она сама себя кокетливо называла). И всё это только по-причине невозможности создать ей приличные (с её же точки зрения) условия к существованию!

От этого «зама Департамента», (он зло покосился на театральную – волевой, самодовольный профиль Кривцова, и его безукоризненный аглицкого покроя пиджак) жена небось по доброй воле не уйдёт! В дверь её гони – в окно вернётся!

Сплошное дерьмо вокруг! И вонь – на всю Россию!»! – устало думал Фёдоров. – И конца и края этому не видно!»

В последние месяцы он стал замечать в себе склонность к брюзжанию и частые перепады настроения.

– Это всё моя работа! – зло думал он. Ему явно пора было сменить обстановку, съездить в Гоа... Опять же – оригинал:

– Все нормальные «полицаи» его уровня и достатка ездят в Египет и Турцию (те же, кто повыше – в Испанию, на Гавайи и на Багамы), а ему полюбилась ежегодная «плановая» поездка в Гоа. Плановой они с приятелями её прозвали – потому, что все обитатели того благодатного края регулярно балуются «планом» и прочими лёгкими наркотиками.

Берег индийского океана, домики – сродни жилищу Робинзона Крузо, вездесущие питоны и сердитые кобры под ногами... Гоа! – «Мечта папуаса!»

Джип плавно катил по центру, мотор был практически не слышим, как и шум за окнами. Это тебе не наш родной «джип» – «Нива»! – подумал Фёдоров. – То ещё дерьмо – хоть трёхдверная, а хоть и пятидверная! А тут – всё по уму.

– «И просторно здесь, как в квартире! Если б согласился тогда, по делу „Чёрных антикваров“ на взятку – сейчас бы и сам на таком ездил! А может – уже сидел бы!» – Фёдоров выпрямился, свободно повёл плечами и, одобрительно крикнув, поудобнее, откинулся на спинку сиденья.

Словно бы прочтя его мысли, Кривцов с непонятной, еле заметной самодовольной улыбкой покосился на опера. Заметив это, майор сразу придал лицу немного сонное, равнодушное выражение. – Пусть, мол, не зазнаётся перед беседой, ни к чему это!

Следом и лицо Кривцова вновь стало постным; проблемы инкассации никто пока не снимал, и сейчас важнее было дело, а не состязания в мимике и демонстрация крутизны и достоинств автомобиля.

– Кстати, об автомобиле! – вдруг осенило Кривцова. – А не предложить ли этому «безлошадному крестьянину» мою тачку в качестве вознаграждения в случае поимки... Да ни фиги! – Не дожидаясь поимки, прямо сейчас переписать доверенность, чтоб, типа ему легче грабителей искалось! А в случае поимки – ещё и денежное вознаграждение! От меня не убудет!

Обуреваемый этими мыслями зам. Директора Департамента вновь покосился на так некстати приумолкшего майора: заснул он что ли!?

Фёдоров разумеется не спал. Он уже почувствовал, что Кривцов что-то хочет сказать, но не решается. Можно было продолжить играть в молчанку, но его солидный опыт подсказывал, что в девяти случаях из десяти полезнее вытянуть из собеседника то, что висит у него на кончике языка и никак не сорвётся. Иначе собеседник может и замкнуться, промолчать.

– Да говори уж, Николай, свои вроде люди, а мнёшься как сдобный пряник! – проговорил Фёдоров с напускной усталостью и равнодушием в голосе.

Кривцов от неожиданности, да и развязности (один из приёмов опера) тона Фёдорова – аж, поперхнулся и некоторое время кашлял. А может – выигрывал время, обдумывая ответ. Не будь над ним Соломина – он бы без всяких вопросов предложил майору свою машинку, благо – не единственная, но за долгие годы совместной с шефом работы он успел убедиться, что реакция того на какие-либо самостоятельные телодвижения Кривцова бывает совершенно непредсказуемой, а иногда и не совсем адекватной.

Шеф, в данной ситуации вполне мог заподозрить Кривцова в решении через Фёдорова каких-то своих, сугубо личных вопросов и тому подобное. Иначе с чего бы он, Кривцов, стал отдавать свою машину ради их общего дела? Не в пример заму, Соломин был прижимист, а значит – мог не понять такого жеста. Прямолинейному, привыкшему мыслить на один ход вперёд Соломину ведь сразу не въехать, что дело это хотя и общее, но и лично для Кривцова, оно сейчас тянет на десять, а то и двадцать таких автомобилей! Особенно если кончится тем, что совсем вышибут с работы!

Эх! – И почему у нас заместители всегда умнее своих начальников?...

Одним словом, Кривцов принял решение: ничего пока Фёдорову не обещать, не согласовав сперва, с Директором Департамента. А в ответ на реплику майора лишь отшутился: – Вот жуки вы, опера! Я сейчас об одном думаю, – где бы мыла хорошего взять к приезду Хозяина! Фирменного мыла... А о чём же мне ещё-то думать? Ведь через пару дней ответ держать придётся!

Фёдоров добродушно покосился на Кривцова и лишь проговорил:

– Да ладно уж, тебе. Авось не понадобится мыло. Если нас, бедных профессионалов, не будете обижать...

И тут Кривцову показалось, что майор умеет буквально читать мысли.

На его лице нарисовалось неопределённо-растерянное выражение, несколько развеселившее опытного в делах мимики Фёдорова.

Может возникнуть вопрос: – А что же многочисленные покровители из силовых структур – неперемный атрибут любого солидного российского учреждения – «от банка и выше»? Почему они, бросив всё не ломанулись расследовать дело по ограблению «подшефного» банка? Но – на то они и силовые. В первую очередь их задача отбивать банк от наездов других «сил», а не ловить всякий отмороженный сброд, грабителей и тому подобное! К тому же всё министерство гудело, как улей; как раз накануне ограбления инкассации в центре Москвы неизвестными был избит журналист одной из газет, Семён Простоквашин, пишущий под псевдонимом Кашин.

Парень имел скверный характер, неоднократно уже бывал бит в злчных местах за хамство. Причём и своими коллегами и просто приятелями. Судился с ними с переменным успехом... Но теперь его облик повредили неизвестные лица. Всё журналистское сообщество отреагировало так ярко, что дело дошло до Президента; он мгновенно вызвал на ковёр министра МВД и пошло – поехало. Одним словом, все прочие громкие и менее громкие расследования оказались «под сукном». Свобода слова – в опасности!

Фёдоров вновь покосился на приумолкшего Кривцова. На лице последнего воцарилась печать озабоченности и сомнений. Он весь как-то подобрался, словно бы изготовился к новым каверзным вопросам майора; а возможные эти вопросы были ему, – ой как нежелательны до их совместной беседы при участии Соломина. Тем более в присутствии водителя, который, вполне возможно, давно получает свой «премиальный» конверт из «директорских фондов».

– А вообще интересно понаблюдать за такими фраерами в шоколаде, – думал майор полуприкрыв глаза и снова словно бы отключившись. – Ходит себе гоголем, поручения раздаёт, челюсть выпячивает и охрана персональная у него... Шефу отчёты в Испанию шлёт. Вдруг – бац! Инкассацию, святая святых Службы Безопасности, перекокали как цыплят! И тут же – хвост поджат; за спиной увольнение маячит, и физиономия вытянулась... – «Помогите, товарищ майор!»

Все они крутые до поры до времени.

* * *

Между тем вся кавалькада прибыла к месту дислокации. Фёдоров взялся было за ручку двери, но кто-то из «телков», выскочив из автомобиля прикрытия, успел предупредительно распахнуть перед ним дверцу. Класс!

– Ну что ж, за то вас и держат! – подумал майор, украдкой разглядывая ладного «быка», облачённого при этом, в костюм размера на два больше, чем соответствующий ему по комплекции. Ну да! Надо ж кобуру прятать от посторонних глаз. В ресторан двинулись как по писаному – впереди один из телков, за ним Соломин; затем Кривцов с Фёдоровым и замыкали шествие ещё два телохранителя, причём шли они не на одном уровне, а диагонально: один чуть сбоку и впереди от замыкающего. Школа! Телохранители были ладные и почему-то имели кроме модельных тел ещё и модельные физиономии. Тот, что вышагивал впереди и вовсе был копией Дольфа Лундгрена в лучшие годы. Фёдорову вспомнилось, как в своё время в негласном списке требований районного комитета комсомола существовала неофициальная рекомендация сверху – на слёты и съезды выдвигать из первичных организаций ребят не только положительных, но и привлекательной наружности. Особенно это касалось девушек. Мдаа... Под луной ничто не ново.

Майор критически оглядел мешковатую фигуру Соломина, который на фоне «Лундгрена» выглядел пожилым еврейским учёным, последние лет пять просидевшим взаперти над глобальной проблемой. При минимальном доступе солнечного света.

– Господи! Ну, неужели им непонятно, что не стоит очень близко стоять рядом с породистыми самцами а-ля «чистокровные арийцы!?» Майору сразу вспомнился коротышка – грузин, приезжавший на той неделе за помощью. Сам по себе вылитый – Карлик Нос, он особенно карикатурно смотрелся на фоне двухметровых гигантов, охранявших его тщедушное тельце и выдающийся мозг! А может, они хотят этим сказать: «Ну и что, что я фактурой не удался, смотрите, мол, кого заставил себе служить!»

– Всё равно глупо! – думал Фёдоров, провожая взглядом Соломина и «Лундгрена».

По рифлёной базальтовой лестнице поднялись наверх; здесь, у входа в зал, стояли мягкие кресла, очевидно для ожидающих пока «баре откусать соизволят» телохранителей и водил. Навстречу уже спешил «мэтр» – встречать дорогого гостя. Шефа Департамента Безопасности банка здесь явно знавали и помнили! Сухо кивнув «мэтру» на ходу, Соломин проследовал в зал вслед за первым телохранителем. Кривцов же – чуть задержался, поздоровавшись с ресторатором за руку и, по всей видимости, сделал заказ.

Тем временем первый телок осмотрев указанный шефом гостевой отсек на предмет обнаружения посторонних предметов, вышел в зал и широким купеческим жестом пригласил начальство присутствовать; сам он остался у дверей. Двое других коллег «Лундгрена» – приютились на широком кожаном диване у входа в основной зал, сев, однако, на некотором расстоянии друг от друга с видом малознакомых людей.

Пока «высокие стороны» размещались для переговоров, Фёдоров с интересом рассматривал уютное помещение. Оно было без окон, вернее одно окно было, но и то нарисованное.

В качестве вида из «окна» художник изобразил лошадиную голову и гигантский кактус из тех, что в понимании европейских художников украшают южные прерии Соединённых Штатов и Мексики.

Собеседники расселись за массивным палисандровым столом, который, очевидно, не терпел на себе таких предрассудков, как скатерть. Стулья тоже были под стать столу. Правда, они бы больше подошли к интерьеру замка «Баскервиль-холл». Их едва ли можно было назвать удобными, хотя и вырезались они – явно искусными краснодеревщиками вручную и стоили уйму денег.

Игорь по старой оперативной привычке уселся лицом к единственной двери; другая «высокая договаривающаяся сторона» села вдвоём напротив него, хотя пространство и конфигурация стола скорее располагала их сесть – один напротив, а другой – сбоку. Очевидно, этим расположением они хотели подчеркнуть официальность беседы, дабы голодный майор не подумал, что они пришли сюда просто покормить его бифштексом, поточить лясы и выпить с ним.

Первым нарушил молчание Соломин:

– Игорь!... Ну, ты всё знаешь в целом. Какие есть соображения?

Фёдоров ничего не выражающим взглядом вскользь посмотрел на Соломина и задумчиво отвёл глаза.

Начальник Департамента Безопасности банка был чуть старше Игоря, выпускник училища внутренних войск, как уже упоминалось ранее, несколько обрюзгший от бесплатных банковских обедов «на чистом коровьем масле» в столовой Правления, но ещё не совсем утративший остатков офицерской выправки. Впрочем, этому способствовала высокая должность. «Высокий пост – выпрямляет осанку», – как говорят японцы.

– Ишь ты, как! – думал меж тем майор.

– Игорь я ему! «Игорь» – ему его «телок», что у дверей дожидается. А я Игорь Александрович. По крайней мере, пока не договоримся об обратном! Официально! Или не выпьем брудершафта. Я всё-таки начальник угро, и мне на твои миллионы... Класть большой и толстый!

Есть два способа поставить на место фамильярничавшего собеседника, при условии, что он выше тебя по социальной лестнице, но ты, при этом, не зависишь от него напрямую. Можно просто предложить ему общаться – «на вы» и по-отчеству, а можно начать тыкать ему в ответ и тоже называть по имени. Исходя из возможных перспектив, впоследствии работать под соломинским чутким руководством, Игорь выбрал второй, более демократичный, сближающий вариант.

– Да, Алексей, мне уже Николай сообщил, что послезавтра ваш босс приезжает! – начал Фёдоров. – Мы сначала обсудим это обстоятельство или будем говорить строго по существу дела?

– Мы пока не торопимся! – ответил директор Департамента. – Можно начать и с приезда Хозяина (Игорь обратил внимание, что тот сделал ударение на слове «хозяин»; видимо он решил, что «босс», употреблённое Игорем отдаёт издёвкой)

– А он надолго ли? – поинтересовался майор.

– Он редко перед нами отчитывается! – по привычке съязвил Соломин. И тут же решил смягчить выпад: – Кто ж его знает? Но вопросов будет масса! Особенно, естественно, по инкассации.

– Он сейчас в гору пошёл, судя по Форбсу. Ему нас снять – как два пальца!.. – подключился к беседе Кривцов. – Это прежде, мы чуть ли не сами крышевали весь банк! (Кривцов уловил как при этих словах Соломин жёстко посмотрел на него). – Ну а если нас «уйдут» – тогда сам понимаешь... накроется и твоя постпенсионная карьера в нашем банке – всё же на нас завязано...

– Блефуете вы, ребята, приbedняетесь! – подумал Фёдоров, напуская на лицо сочувствующий и всё понимающий вид. – Вас с этой кормушки никогда не спихнуть. Разве что с помощью киллера...

А вслух сказал:

– Это всё мне понятно. К приезду шефа я подготовлю кое-что типа доклада – отчёт о проделанной по горячим следам работе и о реальной перспективе этого дела. Естественно, с некоторой лакировкой... Утечку небольшую, в средствах массовой информации организуем. В пользу будущего раскрытия. Есть у меня свой человек в «Московском Коммунаре»...

– Не Хинштейн случайно? – быстро спросил Кривцов.

Фёдоров чуть не поперхнулся кофе.

– «Вы ещё скажите – главный редактор Уткин!» – с раздражением подумал он, а вслух произнёс:

– Да нет, к сожалению! В информаторах у меня один деятель из «Хроники происшествий» «МК». – Так, мелкий бес...

Типа – «... вырвав сумку с продуктами у старушки, злодеи скрылись во дворах!» – прогнусавил майор, пародируя рубрику газеты. Но – любой мелкий бес может при случае вывести и на крупного. Собеседники понимающе закивали.

– Так вот! – продолжал Фёдоров. – Организуем «утечку». Про нашу с вами плодотворную работу. Про – «уже, напали на след, но в целях тайны следствия...»

Сейчас, видимо, надо вам начальника инкассации турнуть, и дело подать, как одновременно его недогляд и просто фатальное стечение обстоятельств.

Надо будет – я сам к Хозяину подъеду – отчитаюсь за всё про всё. Бурную деятельность обозначу и вашу и свою. Для него я лицо постороннее, а значит, мне он поверит скорей. Всё это можно и в вашем присутствии, разумеется, устроить. А тем временем знакомых из ФСБ подпрягу, из Следственного Комитета кое-кого...

Соломин уважительно кивнул.

Когда блефуешь или даже «подблефовываешь» – важно не заврататься: можно потерять доверие собеседников. Поэтому, чуть помолчав, майор всё же добавил: – У меня там, правда, не генералы, но кое-кто полезный имеется...

Тем временем принесли фирменные бифштексы и галлон виски. Чокнувшись за успех, троица активно принялась за еду и питьё и обсуждение своих предстоящих действий.

Точнее – говорил в основном Фёдоров, а Кривцов и Соломин одобрительно кивали, периодически вставляя вопросы и уточнения по некоторым деталям и тонкостям.

Структура Департамента Безопасности банка была темой отдельной. Снизу-доверху, она состояла из бывших военных, в основном офицеров внутренних войск когда-то пересекавшихся по службе. Причём схема их подчинённости в Департаменте выглядела довольно забавно: на самом верху этой мощной структуры расположились два старших лейтенанта запаса – Соломин и Кривцов. Вместе с вторым замом Соломина – Григорием Нефёдовым, отвечающим за тёрки с «авторитетными» собеседниками, они составляли как бы «главное управление безопасности». Эдакий – триумвират! Начальником Управления охраны – это следующий по рангу пост – был бывший капитан ВВ запаса. Тоже одна из ключевых фигур системы. Параллельно ему расположился начальник Управления Службы сопровождения и инкассации. Тоже всего лишь капитан запаса. Далее шли их заместители – среднее руководящее звено Департамента Безопасности, начальники отделов и т. д. Его представляли в основном полковники, подполковники и майоры внутренних войск, зачастую бывшие начальники Соломина и Кривцова по Н – ской Краснознамённой дивизии. И, наконец, далее по иерархии: старшие охранники отделений и филиалов банка опять же были из демобилизованных старлеев и капитанов, уволившись, не дослужив положенного до пенсии срока, и уже под конкретные, готовые места в охране банка. Среди простых охранников и инкассаторов тоже было немало младших офицеров и прапоров, которые вовремя поняли, что служить частному бизнесу гораздо выгоднее, чем родине. И всё же, в основном охранники набирались из недоучившихся студентов и демобилизованных солдат.

Встречались в руководстве этих структур и гражданские люди, но исключительно редко и, как правило, ими были родственники или друзья офицеров из руководства Департамента Безопасности. И ещё: каждого работающего в этой системе привёл туда кто-то конкретно. Из тех, кто уже был в теме.

Оставим пока нашу троицу за трапезой, тем более, что всякому ясно, о чём шёл дальнейший разговор: о важности скорейшей поимки преступников или, по крайней мере, раскрытии преступления и возвращения денег. Хотя Фёдоров плохо себе представлял, как возможно одно без другого.

Ну и, конечно, о необходимости материальной и прочей поддержки сотрудников полиции в их нелёгкой работе и о том как хорошо когда встречаются умные, хорошие люди, во всём понимающие друг друга. Последняя тема развивалась всё более бурно, пропорционально пустеющей ёмкости с вискарём...

Обед затянулся, плавно перейдя в ужин. Из кабака, договорились разъезжаться сразу по домам, дабы хорошо отдохнуть в преддверии завтрашнего напряжённого дня.

Глава четвёртая. «Муки творчества»

*Давно примечено, что маленькие собачки предпочитают испражняться на наиболее большие и величественные деревья.
(Английская поговорка.)*

Аркадий Арапчик, редактор рубрики происшествий популярной газеты «Московский Коммунар», восседал на присиженном за долгие годы редакционным унитазе и сердито тужился. Перед ним на коленях лежала сводка происшествий за день. Подшефные наскребли – не густо...

Всё, чем ему удалось разжиться к завтрашнему номеру, были три коротенькие сообщения, два из которых тянули от силы на «развлекалово» для пенсионерок со стажем. А к завтраму, кровь из носу, он обязан был выдать «на гора» восемь – десять полноценных происшествий! В крайнем случае – семь. Не меньше! И два-три из них обязаны привлечь внимание любого читателя, а не только тех, кому на пенсии делать нечего.

Из полновесных материалов у него пока был лишь один – о том, как молодой педагог – балетмейстер, принимая зачёты по хореографии, пропускал отстающих студентов театрального училища через свою спальню. За что и был задержан правоохранительными органами – в момент принятия зачёта у очередного юноши. Этот материал вполне соответствовал духу газеты и был на вес золота. Но он, такой, был лишь один. Арапчик ещё раз пробежал материал и, вдруг, громко выругался! – «Сколько раз я им, баранам, объясняю, что б не писали «В НАШЕ СЛОЖНОЕ ВРЕМЯ!» Сейчас другой слоган! Творческий человек должен говорить в «НАШЕ НЕПРОСТОЕ ВРЕМЯ!» Так намного умнее и вкуснее звучит! Нет, им – хоть кол на голове теши! Вместо «непростого» пишут – «сложное».

Посопев, он глубокомысленно исправил «сложное» на «непростое» и сделал на полях пометку красным. Посопел, успокоился немного.

Два других материала касались банальной бытовухи и представляли хоть какую-то ценность лишь по одной причине: они – произошли в действительности (зачастую, редактору рубрики, события приходилось просто придумывать самому).

В первом речь шла о том, как жилец установил на глазке входной двери пишущую камеру и вычислил, кто из соседей, гадит ему на коврик под дверь, а второй касался покусанного собакой ребёнка. Для огромного мегаполиса, согласитесь, не густо!

Теперь Аркадию предстояло досочинить необходимое количество событий и, как назло, ничего не лезло в голову. Палочка – выручалочка, «комната раздумий» – туалет, где ему всегда так хорошо думалось, на этот раз сбоила...

Переминаясь с ягодицы на ягодицу, он хмурил брови и перебирал различные сюжеты, но получался или откровенный бред или как-то фальшиво, неубедительно... Вспомнив изречение великого писателя о том, что самое трудное – написать первую строчку, а потом дело, мол, само пойдёт, он вспотевшими руками поправил на коленях влажную тетрадь и решительно, размашисто набросал начало:

«В неприглядную историю оказался замешан...»

Но на этом дело наглухо застопорилось.

– Первая строчка, первая строчка! «Главное – написать первую строчку!» – Ну, написал я! Болтуны эти – Ильф и Петров! Враньё сплошное весь этот бред великих! – сердито сопел Арапчик. – Давно замечено: под громкой фамилией любая галиматья – пройдёт на ура! Первая строочка...

Когда у журналиста совсем затёк зад, и он уже собирался решительно вставать, раздалась трель мобильного.

– Кто это ещё!? – подумал Аркадий. Ему принадлежал знаменитый среди журналистов «МК» перл: – «Есть люди, которые звонят тебе исключительно в двух случаях: если ты сидишь на толчке или если ты только приготовился «кончить»! Молодые сотрудницы очень его оценили!

С усилием достав из кармана брюк мобильник, Аркадий увидел, что ему звонит знакомый «угрошник» Игорь Фёдоров.

– Чем обязан, столь вельможному вниманию? – удивлённо подумал журналист, нажимая кнопку ответа.

– Да! Слушаю!

– Привет рыцарям пера и бумаги! Чем занимаешься? Не отвлёк?

– Да – сразу двумя делами. Теперь, вот, даже тремя! – На толчке сижу, колонки пишу, с тобой разговариваю, ха-хааа!...

– Я как раз по поводу колонок! – отвечал офицер. – Материал есть – пальчики оближешь. Но – баш на баш! Сам понимаешь!

– Да я вроде согласный! – радостно сжал трубку редактор хроники происшествий. – Излагайте, Ваше благородие!

– Значит, вкратце! Имеем – что? Имеем ограбление инкассации на моей земле. Трупы. «Капуста» ушла огромная. От тебя мне понадобится очертить в прессе сумму наших действий по горячим следам. В нужном ракурсе. И обрисовать вознаграждение свидетелям. Устроит? Если – да, то жду тебя около нашего РОВД через час. Максимум – полтора.

Аркадий не любил ничего, даже отдалённо похожего на ультиматумы. Он любил свободу. Как творческая личность. Поэтому немного посопев, он ехидно поинтересовался:

– А если через два часа приеду – не дашь?

– Через два я уже буду в области! – сухо отрезал майор. Меньше всего ему сейчас хотелось шутить.

– Понял! Понял. Понял. Замётано – замазано! Через час я у тебя! – затараторил, спохватившийся Аркадий, плечом прижимая трубку к уху и торопливо застёгивая брюки.

Нужно было поторопиться и, пожалуй, надёжнее даже будет выдвинуться на метро. Пробки – вещь не шутейная, как и работа Фёдорова: сказал «уеду» – и точно уедет. Невзирая на то, что, видать, его самого там что-то припекает!

Отсиженные ноги работали не лучше протезов, и ломанувшийся резко на выход из «комнаты раздумий» журналист, едва не растянулся на пороге туалета. Шипя и брюзжа, он нетвёрдо дошагал до кабинета и, плюхнувшись в своё кресло, стал снаряжать в дорогу портфель – больше для солидности.

Метро есть метро. Несмотря на то, что ехать пришлось на окраину Москвы, менее чем через час Арапчик уже жадно внимал Фёдорову, делая торопливые пометки в блокноте (майор запрещал собеседнику пользоваться диктофон в их беседах). Уяснив картину в целом и попутно поняв, что проблема завтрашнего номера этим материалом почти закрыта, журналист получил указание: в заметке упомянуть о солидном вознаграждении – «за любую информацию по означенному происшествию, сумма не разглашается, но она, де, очень приличная».

Дело в том, что в подобных случаях речь идёт, как правило, о вознаграждении тем, чьи данные – «помогут задержать преступников». Такая формулировка зачастую отбивает у свидетелей или сведущих в чём-то людей, желание идти светиться.

– «А вдруг всё равно не поймают? А тебя так и будут годами таскать по следователям» Или – А вдруг твои показания не сочтут – «помогшими раскрыть преступление»?

И наконец, бывает категория свидетелей, у которых сведений совсем немного: что-то слышал, что-то мельком видел...

Этим и вовсе не резон лезть с такими крупницами: – их то уж точно не сочтут «помогшими раскрытию». А зря! Но и платить каждой бабule за её замешанную на богатой фантазии ахинею

заявитель тоже не может, поэтому и оговаривается пункт об информации, «имеющей ключевое значение для следствия». Замкнутый круг получается. Его и решил разорвать Фёдоров при помощи самого действенного и одновременно безответственного фактора – массовой газеты.

Завтра весь район, город, область будут знать, что «За ЛЮБУЮ ИНФОРМАЦИЮ» ..... Ну и так далее. Это непременно должно сработать, и останется лишь самому фильтровать её потоки. Ну, а если жалобы какие-то потом начнутся, мол, где деньги? – возникают два законных вопроса:

– «А кто вам их обещал? И о какой сумме вы говорите? И вообще – следствие ещё не закончено, товарищ!»

Майор хорошо помнил историю которая приключилась несколько лет назад с компанией «Золото России».

Среди бела дня в центре столицы было совершено покушение на одного из заместителей руководителя компании. В тот же день Пресс-Служба «Золота России» распространила заявление, что тот – чьи показания помогут раскрыть преступление, получит неслыханное вознаграждение – десять миллионов рублей. Множество людей бросились за кушем и вполне подробно описали как двоих стрелявших, так и их автомобиль. Как ни странно, вскоре стрелков и впрямь схватили. Премировать же расторопных свидетелей никто не торопился, тем более, что было кого награждать – в системе МВД.

Но народ-то нынче пошёл ушлый. Свидетели подняли шум, в «Московском Коммунаре» вышла статья – «Кинутые свидетели». Дело получило большой общественный резонанс; вмешалось даже – «Общество защиты свидетелей». Правовое управление «Золота России» резонно утверждало «... о том, что сумма в размере десять миллионов рублей и ноль ноль копеек уже выплачена одному из свидетелей преступления – гражданину Васину П. С.» А остальные девять свидетелей, не менее резонно настаивали на том, что их показания ничем не уступают васинским, а посему им причитается такой же гонорар. Знаменитая правозащитница, старушка Елисеева поспособствовала тому, чтобы дело было передано в суд. В итоге суд, ознакомившись с материалами дела, пришёл к выводу, что любое из показаний истцов можно рассматривать как «пособствовавшее раскрытию преступления» и обязал компанию выплатить указанное вознаграждение всем остальным зарегистрированным свидетелям!

Таким образом, и без того рекордная сумма в десять миллионов, в одночасье удесятерилась. Вернувшийся из Майами Президент компании господин Саранов, сперва, был удивлён, увидев в смете расходов сто миллионов рублей на вознаграждение «для свидетелей по делу о покушении». По мере вникания в суть вопроса, он всё более закипал и, наконец, выставил солидную часть означенной суммы своей пресс – службе и финансово – правовому управлению. Не то, чтобы эта сумма была велика для такого монстра...

Просто все баре, и жадные и щедрые, едины в одном: их бесит, когда принадлежащее им состояние разбазаривает кто-то другой помимо них. Сам он вполне может, не напрягаясь спустить в двадцать раз большую сумму в казино Лас – Вегаса, но это не значит, что его сотрудникам позволительна хоть малейшая расхлябанность, бесхозяйственность.

Короче говоря, – Саранов с чистой совестью стягнул половину вышеупомянутой суммы со всех своих многочисленных служб. Попали – все, кто был причастен «к этому вопиющему разгильдяйству» (они скопом выплачивали её полгода). А другую половину – по-барски списал себе в убытки.

Фёдоров, который служил тогда в центральном аппарате ГУВД, хорошо знал эту историю, а потому понимал, что Васильев с Кривцовым смогут организовать вознаграждение лишь тому, кто действительно помог следствию.

А значит – что же – многочисленные мелкие «аудио и видео» свидетели – побоку!? Да ведь сейчас – любая зацепка была на вес золота!

В редакцию Арапчик возвращался как на крыльях – эксклюзивный репортаж, да ещё из первых рук, стоил целой рубрики на неделю вперёд! Окрылённый успехом, он позвонил своей «правой руке» – Стасу и дал задание самостоятельно сочинить два происшествия, строк по семьдесят. А сам – прямо в метро взялся за гвоздь номера...

«Предрасветный час на Северо-Западе Москвы был оглашён грохотом перестрелки. Небывалый по своей дерзости налёт совершили неуставленные пока бандиты...»

Глава пятая. Ротан

– Куда подевался положительный герой!? – стеноют критики и литературоведы...

И впрямь удивительно! Страна вышла на первое место по числу миллиардеров и нищих, давно и повсеместно всё решают деньги, человеческие качества затмевает «наличка», а положительный герой почему-то исчез! Ауу!

Эту тему остроумно обыграл в своей передаче весёлый Гарик Мартиросян! Он посоветовал снять современный героический кинобоевик под звонким названием – «Триста менеджеров».

Очевидно, по сценарию, в конце фильма все триста менеджеров должны были полечь под ударами скалок обманутых вкладчиц банка, защищая узкий проход к его фасаду.

Не исчезал он никуда, положительный герой!

Куды ж без него-то!? Просто мимикрировал в духе времени. Раньше положительным героем был оставшийся прикрывать отход своих товарищей пулемётчик или, скажем, одержимый учёный, положивший жизнь во благо других людей. А сейчас положительный герой, тот, у кого есть хорошо оплачиваемая работа и деньги на взятку – заведующей престижного детского лица, хорошему врачу. Ведь Положительный герой – это Всегда герой, положительный с точки зрения женской части общества. То есть львиной доли читательниц и зрительниц (а для зрительниц, не читающих книг, всё равно кто-то сначала нашлёпал, то что вылилось потом на экраны. Ибо в основе всего, даже откровенного поноса на ТВ, – Его Величество – Сценарий, то есть произведение литературы – плохой ли, хорошей ли.

Трудно! Очень трудно воспевать пошлость, наживу и тихое...

(а хоть бы и громкое) благополучие. Мало у кого получается эта песнь. В основе любого героизма лежит презрение к своим интересам и действия во благо других людей. «Блаженны сложившие головы за други своя». Са – мо – по – жертвование.

Сейчас это не в чести. И ценности у людей другие. Другие – ну и ладно. ПЕРетерпим. Но, вот – трудно их воспевать. И тот писатель, которому это удастся в полной мере, и будет истинным героем нашего времени! Поговаривали, что Сам чудак – Чичваркин спонсировал такой проект – но из этого ничего не вышло.

Однако вернёмся к нашим баранам, точнее – к нашему наиболее современному герою, с коим мы вскользь уже познакомимся.

Ровно за год, до упомянутых выше событий Алексей Ветров, по прозвищу Ротан, здоровенный малый из под Люберец, что примостились в самом подбрюшье нашей столицы, вернулся домой с трёхдневного турнира – Кубка Москвы и Московской области по бодибилдингу. Вернулся, прямо скажем, не солоно хлебавши. Вот уже тринадцатый год, как он фанатично занимается культуризмом, но никак не может добиться заметного успеха даже на любительском уровне. Все стены его комнаты увешаны фотографиями лучших представителей мировой когорты строителей тела. С красочных плакатов оптимистично и даже как бы поощрительно улыбаются Ли Хейни, Том Платц и, разумеется, легендарный «Шварц», в его лучшие годы.

Но в их, по-американски размашистых, хоть и «фарфоровых» улыбках, сегодня в день досадного фиаско, нашему герою мерещится лишь насмешка. Серdito бросив в углу сумку с амуницией, Алексей сходу плюхнулся на пол и в быстром темпе отжался сто двадцать раз. Уже много лет он неуклонно следовал этому правилу, придя домой первым делом отжиматься раз сто, а уж потом делал всё остальное: расчехлялся, умывался, ел... (правильнее будет сказать – питался). Кстати, плотно ел он только после физических нагрузок, чтобы всё съеденное сразу усваивалось и не откладывалось в боках и прочих проблемных частях тела.

Сбросив с себя взопревшую от пота одежду, Алексей остался в одних плавках; с удовольствием осмотрел в отражении зеркала свой роскошный торс, поделал «позирование». Тааак... Двойной бицепс... «Зубчатка»... Дельта... Хорошо!.. Квадрицепс просто совершенство...

Ну, хоть убей, он не видел, чем он уступает лучшим качкам мира, победно вззирающим с плакатов! Что уж говорить о «родных» доморощенных бодибилдерах, которых почему-то упорно предпочитало родное спортивное судейство!

Примостившись к фотографии многократного победителя конкурса «Мистер Олимпия» Ли Хейни, сделанной чуть ли не в натуральную величину, Алексей скопировал у зеркала позу великого культуриста. Придирчиво, взглядом судьи, сравнил два отличных тела – своё и Чемпиона... Пожалуй, у Ли Хейни получше проработан бицепс! – самокритично признал Алексей... И передняя дельта... Да и задняя дельта – тоже... И нижний пресс почётче прорисован...

Во-первых у культуристов африканского происхождения – от природы лучше мускулатура. Он иногда вспоминал как в детстве глядя на наших тщедушных боксёров, поражался насколько тёмный цвет кожи делает мускулатуру спортсмена внушительней. Мысль, что она у негров – действительно более качественная, совершенная что-ли – просто не могла прийти в голову советскому парню. Уже потом, в секретных лаборатория Солнечной долины вывели непреложный факт, что у афроамериканских и соответственно кубинских боксёров подлиннее руки. У всех! А потом в профессиональном боксе ввели понятие – «размах рук». И всегда он у темнокожих заметно больше. А это – солидная фора! Даже на глаз. Кстати, если кому-то интересно, то у евреев – самые короткие руки. Некоторые деятели сионизма сразу вывели из коэффициента длины рук – коэффициент интеллекта. Ну, типа, чем длиннее руки – тем ближе к обезьяне. И, соответственно, – наоборот. Потом в секретных лабораториях выяснили, что рабы из современной Нигерии, Сенегала, Камеруна – мощнее своих собратьев с Восточного побережья Африки. В их мускулах преобладают белые волокна – взрывной силы, а у жителей Кении, Уганды и Эфиопии – красные волокна, волокна – выносливости, «двужильности». Поэтому – первые, которых именно и свозили через Атлантику на Карибы и США, дают могучих фактурных спринтеров (США, Ямайка, Куба и даже Тринидад с Багамами.), а афроафриканцы с восточного побережья дают отличных стаеров и марафонцев. Но, зато, уж им идти в культуризм – точно не стоит! Другими словами у людей разные позиции изначально. Так вот, культурист Ротан прекрасно видел, что белые качки, в массе своей уступают от природы, темнокожим братьям из Нового Света. И там где цветным идолам кача, достаточно неплохо поработать, белым надо лезть – вон из кожи. И Шварц просто вписался в тему, пока афроамериканцы не прочухали ситуацию и не стали успешно продовать свои тела на подиумах! Так же, как лишь недавно, прочухали «восточноафриканцы» своё марафонское предопределение. Где теперь и доминируют. Как и в боксе. Как в лёгкой атлетике.

Ротан часто вспоминал как их физрук поручил своему любимцу, то есть ему – Ветрову приготовить интересный материал по мотивам Олимпиады в Барселоне. Ротан долго листал родную спортивную прессу и нашёл душещипательную историю! Он рассказывал одноклассникам про кенийского мальчика Мокеле-Мбембе. Тому приходилось ежедневно бегать в школу, так как она была в 15 милях от его хижины, а он боялся опоздать!

А потом мальчик вырос и стал Олимпийским чемпионом в марафонском беге. «Слёзы сопричастности» выступили у одноклассников Ротана, во время лекции.

И всё бы хорошо, если бы не ляпнул местный циник и балагур Витя Ройтман:

– Ага, понятно! А у детишек с Ямайки, видимр, школа была так близко, буквально в ста метрах, что они спали до последнего и только со звонком на урок вскакивали и за десять секунд добежали до парт. Поэтому, мол, в Ямайке и живут самые быстрые спринтеры в мире!

Класс взорвался нечестивым хохотом, физрук вызвал родителей Вити в школу... А Ротан, стоял как оплётанный и навсегда усвоил урок: «Подвергай всё сомнению!»

– Ну, и надо учитывать, что на меня же не пашет команда диетологов, врачей и тренеров, и качаюсь я не в клубах Вейдера или Джонса, а во вшивой качалке хрущевского дома! – сердито подумал Алексей и отправился на кухню.

Одна из особенностей подготовки культуристов высокого уровня заключается в том, что когда тебе уже кажется некуда расти и по мнению далёких от бодибилдинга людей ты достиг совершенства и, возможно, даже превзошёл великих культуристов, суметь объективно выявить свои недоработки.

А они есть у каждого. И стремиться их исправить, ещё лучше отшлифовать своё действительно, незаурядное тело. И особенно – в преддверии соревнований. Лёха же этого никогда настоящему не умел. Возможно потому, что выращенный одной мамой и ею же изначально, с самого детства, убеждённый, что он, Алексей Ветров, – лучшее произведение в цепочке эволюции человека разумного.

Всё познаётся в сравнении, а на фоне своего повседневного, привычного окружения – соседей алкашей, пассажиров подземки, и просто прохожих, он и впрямь выглядел верхом совершенства. По крайней мере – совершенства физического. К тому же местные девушки столь активно, а иногда и бурно выражали ему свои симпатии, что, просто грех было не пользоваться. В итоге, иной раз у Ветрова просто не оставалось сил на полноценную тренировку, не говоря уж про хороший сон. А без этого – какие результаты?

Лу Фериньо – тот спал два раза в день (!) плюс не менее десяти часов ночью! По мнению серьёзных культуристов, им необходимо спать как минимум десять часов в сутки. Как дошколятам.

Но если вернуться к успеху у дам... Надо сказать, что тут дело не только в призывно – неотразимой фактуре Ротана. Для пущих успехов в бодибилдинге он, по профессиональному выражению спортсменов, регулярно «кушал», т.е. употреблял разного рода стимуляторы, а это основательно усиливает потенцию, столь милую девичьему сердцу (и не только сердцу). Правда с годами это может сыграть, так сказать, в обратном направлении, но... искусство требовало жертв!

Оказавшись на кухне, Алексей сразу занялся стряпнёй. Он разбил семь свежих яиц, сноровисто отделил от них желтки, кои сразу вылил в унитаз, как пищевой хлам. У многих последнее действие вызовет внутренний протест, но питание «качка» – это вообще особенная тема. Помните, как повествуется в «Золотом телёнке» о еде подпольного миллионера Корейко? Который, всё мечтал встретить возвращение буржуазных отношений во всеоружии, а главное здоровым.

« – Корейко не ел! – он питался!» Далее идёт описание того, как он не пил чай, чтобы сберечь сердце до лучших времён, и без соли поглощал холодные яйца всмятку, «потому что это полезно». Так вот! Даже такие Корейки – лишь «дети неразумные» по сравнению с фанатами – культуристами.

Но описание их научного подхода к правильному питанию заняло бы добрую половину нашей истории, а потому остановим поток комментариев и вернёмся на кухню, где хозяйствует Ротан.

В оставшийся в миске белок наш «кулинар здоровья» добавил немного протеина, гречишного мёда и тщательно взбил содержимое в миксере. Перелив, получившийся коктейль в огромную кружку, украшенную трафаретным изображением напряжённого бицепса, Ротан вернулся в комнату и, устроившись перед телевизором, стал не спеша отхлёбывать получившийся напиток, одновременно орудуя пультом в поисках чего-нибудь «удобосмотримого».

Он во всём использовал научный подход и давно придерживался теории, что, если ты чем-то расстроен, надо срочно «потрескать»... Но ведь и вкушать пищу, надо с хорошим настроением. Данный парадокс, сегодня, по его мнению, был способен разрешить только хороший юмор или что-нибудь спортивное. Но юмор – именно хороший! Лишь бы не Петросян

со Степаненко! А то тогда уж точно всё опустится!... На сей раз ничего мало-мальски смешного или просто весёлого Алексей на каналах не отыскал. Вечная чернуха, перемежаемая рекламой женских прокладок и прочей похабщиной. Ну и ладно! Посмотрим «видео».

В видеосистеме, как обычно, находился диск с известным фильмом – пособием от Арнольда – «Качая железо». Ротан знал его наизусть, но в сотый раз с любопытством уставился на экран. – «Нет! Все-таки чем он, Ро..., вернее Алексей Ветров хуже этих качков!? Ну чем? Просто меньше и не столь качественно питается и меньше спит! Меньше „гормонов счастья“ получает при такой – то серой жизни! Арнольд не работал охранником! Не тратил нервы на дебилов – начальников!»

Поняв, что сегодня фильм вызывает в нём не те эмоции, что способствуют пищеварению, Ротан с досадой выключил телевизор и бросил пульт на кресло. Тупо глядя в стену, он вновь приобщился к напитку. Было довольно вкусно. Вернее не то, чтобы вкусно, а скорее сама мысль, что это полезно – придавала вышеупомянутой бурде вкусовых достоинств.

Во время приёма пищи многие культуристы представляют (и тем самым как бы задают программу организму), как живительный белок питает их основные группы мышц. Так и Алексей – живо представил себе, как потоки белка по невидимым каналам устремились в его грудные мышцы, до сих пор гудящие после встряски отжиманием от пола.

«Подсушился-то я не плохо, а вот массы мне немного не хватает!» – неспешно размышлял Алексей. – А откуда ж ей взяться, массе, от такого однообразного и примитивного питания. И «химичить-то» нормально на мои «шиши» не возможно...

Хорошо хоть дал бог мышцы талантливые и сухожилия короткие!..

– Дела мутить надо, а не сидеть в охране! – сердито думал Ротан. Он работал в охране местного спорткомплекса. Там платили гроши, но и не напрягали особо. Одна радость, что сутки через трое работа, – на качалку вагон времени остаётся. Но – самодур, директор комплекса выматывал нервы, а главное любил пресмыкание. И Ветрову пришлось смирить гордыню и зачастую унижаться, ради такой работы.

Он всё чаще вспоминал, как в юности, при прочтении «Петра Первого», его коробило от того как друг Петра – Алексашка Меньшиков, унижался перед царём. – «Ну и холуй же!» – сердито думал тогда, юный максималист и комсомолец Алёша. – Как так можно!?»

Но Алексашка-то «шестерил» Царю Всея Руси! И сам стал Светлейшим князем и богатым из людей! А, он, Алексей Ветров, умница и исполин, «шестерит» полуспившемуся краснорожему придурку, отставному майору. И ничего! Вроде, даже, привык. Русский человек – ко всему привыкает.

Потому что завтра – этот алкаш скажет – «Уволен!» – и пойдёшь на все четыре стороны. А кушать надо! Качаться – надо!

Но... Алексей часто вспоминал поговорку питерского приятеля, владельца атлетического клуба:

– Лучшие мышцы – это деньги! – с усмешкой любил повторять тот.

Кстати, у философа – качка было и то и другое, поэтому питерец знал, о чём говорит. Теперь Ветров окончательно пришёл к выводу, что в плане работы необходимо подыскивать что-то более перспективное. И судьба улыбнулась ему в лице приятеля детства – Миши-Туарега. Тот тоже успел попробовать себя в самых разных жанрах, прежде чем начал «катать». Сперва – в паре с умным и ушлым напарником, который и «окрестил» его в этом ремесле, а потом ему подвернулся сидящий на мели Лёшка-Ротан.

С ним теперь Алексей и выезжал «в командировки», предварительно продав в графике охраны, две-три суточные смены подряд.

После этого проблем с деньгами он уже не испытывал, но сложнее стало «режимить» и даже просто поддерживать форму... А в поездках особо не потренируешься!

Допив, наконец, смесь, Алексей откинулся на спинку кресла и закрыл глаза, ещё и ещё раз прокручивая в памяти все перипетии последних соревнований. Внезапно он вспомнил насмешливое пророчество знакомого, одного из судей турнира:

– Мне нравится твоя вера в себя, Ветров!.. Все солидные ребята на Кубке – «от чых-то», один ты ничей. Как беспризорник. Мамочка! А ещё – хочешь выиграть! Ситуацию не поменяешь – никогда тебе не выиграть ничего! Рынок.

– Лапы волосатой мне не достаёт – вот что! – осенило его. – Наверняка ж многое куплено у них, как и повсюду сейчас...

От этой мысли отражающей всю безнадёгу в стране, Ротану отчего-то стало легче и спокойней. Он понял, что, возможно он и впрямь не хуже всех этих призёров – чемпионов, а просто за них «замолвили», а за него – нет. Наверное, так успокаивает себя «рогатый» красавец-муж, узнав, что рога ему наставил не тот, кто лучше и интересней как мужчина, а тот, кто просто богаче... Что ж, логика у каждого своя. С этими мыслями Ветров задремал прямо в кресле, не выпуская, однако же, пустой кружки из свесившейся к полу руки. Уметь надо!

Резкая трель оставленного поблизости мобильного телефона буквально подбросила его спросонья. Бокал со звоном отлетел прочь и раскололся.

– Всё же время собираюсь звук телефона уменьшить – нет, всё некогда! – подумал Ротан и зло схватил трубку. – Даа!..

– Алекс! Это Игорь Фёдоров. Ты вроде о солидной работе помышлял? Есть подходящее место для тебя в нашей системе. Я застолбил пока место; но если не ты, то другой мой знакомый подойдёт. У тебя ведь РГУФК в активе, я правильно понимаю?

Спросонья Ротан не сразу понял, о чём речь, а у его друга, старшего опера уголовки Игоря Фёдорова, была привычка всегда начинать разговоры – с места в карьер! Привычка многих людей, которые постоянно чем-то загружены. Недовольно хмурясь, Ротан рывкнул в трубку:

– Какое ещё место? Кто говорит?!

– Кто – кто? Хрен в кожаном пальто! – майор Фёдоров не любил ничего объяснять по несколько раз, тем более он не знал, что Ротан спал, да и вообще, – как человек загруженный работой, никак не мог предположить, что в два часа дня можно дрыхнуть.

– Фёдоров это! Глухой что-ли? Я говорю, место есть инструктором спортивным у нас в управлении; подъедешь – подробней поговорим, сейчас времени мало.

– Когда его у тебя было много? – хмуро пробубнил Алексей. – Что брать-то с собой? Диплом?

– Сухари и смену белья! – по-ментовски сострил Фёдоров. – Ничего пока. Просто подъезжай ко мне сначала. С паспортом. С удостоверением. Всё обскажу, посоветуемся... Тут варианты возможны.

– Ладно... Сегодня подъеду.

– Да не ладно, а спасибо товарищ майор! И смотри – не тяни с этим долго: место уплывёт.

– Понял, буду! Спасибо... – ответил окончательно проснувшийся Ветров, но, похоже, уже в гудки.

Который год как Ротан всерьёз подумывал о том, что ксива с внушительной золочёной надписью «МВД», тиснённой на алом лидерине, ему бы не помешала. При этом он понимал, что нужна ему именно ксива и житейская стабильность, но без «суровых милицейских будней». Его образование – Академия спорта и туризма, а специализация – «психология и педагогика» позволяли ему надеяться именно на такой вариант службы в системе МВД. Конечно, при условии, что придёт он «не с улицы». С год назад он уже пробовал тиснуться туда психологом (и тоже через Фёдорова), но там предпочитали психологов с дипломом МГУ или Юридической Академии и, несмотря на протекцию «целого майора» из заштатного отделения, его сразу деликатно прокатили, причём ещё на стадии собеседования. Обычно в такой ситуации

соискателю должности обещают вскоре позвонить; Ветрову же, тогда, открытым текстом сообщили, что он их не устраивает.

Пообщавшись по телефону с Фёдоровым, Ротан ополоснулся холодной водой и с самым серьёзным видом засобирился к своему благодетелю. Инструктор по спорту МВД – это уже реально! Он был уверен (и не без оснований), что стоит ему предстать во всей своей монументальной фактуре перед любым спортивным начальником, как тот сразу поймёт, что лучшего инструктора ему не найти. Ведь он, Ветров, – ходячая пропаганда здорового образа жизни! Правда обычно работа инструктора подразумевает и собственные выступления за спортивную команду, а культуризм и полицейский спорт как-то мало совместимы, но... Ротан был убеждён, что на сей раз ситуация с собеседованием не повторится и уж по спортивной-то линии ему дорога в полицию открыта!

К тому же помимо так называемых базовых видов спорта, наподобие самбо, в подготовке сотрудников правоохранительных органов широко используется и ОФП – общая физическая подготовка. Подтягивание на перекладине, бег на различные дистанции, отжимания и тд. А уж тут будущий лейтенант Ветров мог продемонстрировать подопечным просто чудеса! Достаточно сказать, что он подтягивался на турнике до сорока раз, что при его довольно приличном весе было очень круто. По крайней мере, в глазах попадающих под проверки по ОФП юнцов в полицейской форме (солидные-то менты, как правило, находят уважительные причины, чтобы не участвовать «в этом цирке»). Немалому авторитету должна была способствовать и сама его внушительная фигура голливудского супермена. Молодёжь нынче чахлая и больше тяготеет к компьютерным играм и тусовкам, а не к физкультуре и тем более спорту. Богатыри среди них не то, что редкость, а прямо анахронизм какой-то. К тому же, как спортивному психологу, Ветрову было хорошо известно, насколько в мире спорта сильна позиция: «если хочешь меня чему-то научить, покажи – чего добился сам».

А таким, как Ротан, и показывать-то ничего особо не надо – достаточно просто самому показаться... Так сказать – живая реклама: – «Слушайся меня и будешь таким же»!

Предчувствия его не обманули. «Смотрины» прошли гладко, и вскоре после необходимых бюрократических процедур и всенепременного медосмотра с пристрастием, Ветров уже примерял новенькую полицейскую форму с погонами лейтенанта.

Глава шестая. Визит отца

...Всю жизнь нас учили, что все беды вокруг от людей равнодушных! Уверяю вас, что картавые большевики и образцовые нацисты – были самыми неравнодушными среди людей! Не был равнодушным Павлик Морозов, да и пылкие сердцами ребяташки из «Гитлерюгенда» тоже...

По последним данным социологов, все беды от людей не способных и нежелающих Мыслить Самостоятельно и легко поддающихся пропаганде.

(Несостоявшаяся народная мудрость)

Вернувшись домой после встречи с руководителями Департамента Безопасности банка усталым и на взводе, майор застал в квартире отца.

На сей раз визит бодрого старика не обрадовал Игоря. Дело в том, что когда хороший, настоящий опер погружается в какое-то из дел, а уж резонансных дел – тем более, он это совершает, что называется, с головой. Его ритм жизни ускоряется, все рефлексy и органы чувств начинают работать в «спортрежиме», выражаясь языком автогонщиков.

Иной раз даже кажется, что обостряется обоняние, как, видимо, у беременных женщин!

А у старичков есть одна всенепременная особенность – они живут в другом ритме. В «пенсиирежиме». Всё у них происходит словно бы в замедленной съёмке, что особенно контрастирует с ритмом бешеной гонки на результат, в которую теперь включился майор Фёдоров.

Началось с того, что вместо «Здравствуйте», папаша, к слову бывший педагог, театрально склонил голову к плечу и поинтересовался много ли сегодня выпил Игорь и можно ли считать нормальной работой организацию, где ключевые сотрудники регулярно употребляют. Да ещё, мол, в служебное время...

Игорь развёл руками и молча ушёл на кухню; помнил, что с утра оставил там гору невымытой посуды и, вообще сейчас ему лучше было побыть одному. Он посоветовал отцу посмотреть по третьему каналу «Дискуссию», с неувядающей, «пластической» Пушкиной и, пообещав, что сейчас соорудит первоклассный кофе, скрылся на кухне. Игорь уже не раз проклинал себя за то, что как-то по пьяне, «братаясь» с отцом (хорош каламбур!), торжественно вручил тому запасные ключи от своей квартиры – приходи, мол, папа как к себе домой!

Мудрый сын понимал, что старику необходимо отдыхать иногда от неуёмной опеки его нынешней, молодой супруги...

Старичок был польщён и даже прослезился тогда. Но потом пришло время слезиться майору! Трепетный к значению и весу слова в общественной жизни, отец, как истинный филолог, воспринял призыв сына слишком буквально.

Случались визиты и настолько несвоевременные, что очередной пассии Фёдорова приходилось буквально прятаться в ванной, торопливо одеваясь и с опаской поглядывая на дверь почему-то, исторически, лишённую шпингалета... В итоге это Фёдорову надоело и он в духе американского законодательства, не покушаясь на основной закон по которому папа и впредь может когда захочет заходить к сыну со своими ключами – внёс весомую поправку: кроме случаев, когда дверь квартиры закрыта изнутри на собачку!

И вообще, можно и заранее предупреждать. Благо – век мобильной связи.

В подобной ситуации, папе надлежало развернуться и покорно удалиться. Надо сказать – старика уточнение не обидело; в свои семьдесят он ещё не совсем забыл, зачем иногда необходимо понадёжнее закрыться...

Пройдя на кухню, майор с неудовольствием обнаружил, что вся посуда уже перемыта. Понятно – кем... Увидев же, что отец ещё и плиту отмыл Игорь вконец скукислся и даже почувал

некую неловкость за то, что так прохладно воспринял его визит. Правда, к этому чувству добавилось некое раздражение от того, что папаша опять застал его дом в состоянии разрухи!

Был всё-таки у него какой-то мистический дар – чувствовать, когда визит особенно нежелателен и приезжать именно в такие моменты!

Понемногу, в процессе внутренней борьбы, благодарный сын одолел в майоре «циничного пасынка» и с любовью разлил кофе из электрокофейника по чашечкам. Выставил их на подносе, отдельно положил блюдо с печеньем и салфетки.

– А может оно и к лучшему, что именно сейчас к нему приехал дорогой папа! – размышлял он.

– Может ему – майору, сейчас просто необходим часовой тайм – аут?

Что бы не вспоминать бесконечно заявления и предложения

(а пуще – их недомолвки!) Кривцова – Соломина; что бы просто отрешиться хоть на короткое время от бремени этого чёртова ограбления; от ухмылок дурака из Следственного Комитета, который априори, почему лучше всех всё знает...

А с кем отвлечься? С кем можно просто о футболе парой слов перекинуться? Только с отцом... Внезапно ход его праведных мыслей прервал крик донёсшийся из гостиной, где перед телевизором ожил отец.

– Ух, ты как! Во как надо, сынок! Мне это нравится!! – верещал старик, торопливо водружая на нос очки.

– Ну и что тебе так нравится? – спросил Игорь, подбираясь к нему с сервированным подносом.

– Мне полиция наша нравится! И эта идиотка – ни много ни мало, а генерал-майор!

Помню в наше время баба – полковник была исключением! Их единицы в стране были. И все – герои!

Игорь прислушался к происходящему на экране, а точнее в киностудии. Хрупкая дама, похожая на учительницу младших классов, в форме генерала полиции, с лицом (большая редкость!) одновременно и тупым и хитрым, очевидно, отвечая на вопрос оппонента, говорила, чуть картавя и привзвизгивая:

– Да! Именно! У нас такая полиция, какое и общество в целом! В наши ряды не марсиан набирают! Давайте-ка сначала пусть всё общество спрашивать с себя научится, а уж тогда и органы правопорядка критикуют! А то пьянство вокруг, разгильдяйство, непрофессионализм... С себя надо начинать улучшения, а не на полицию нападать!

И, горделиво откинув голову, полицейская обвела аудиторию победоносным взглядом...

Зрительский зал почему-то, как и всегда, в ответ на эту кондовую демагогию взорвался аплодисментами... Отец сидел пунцовый от возмущения, да ещё сторяча обжётся кофе и теперь, сложив губы трубочкой, усердно втягивал холодный воздух... Видно язык обжёт! На некоторое время это заставило его помолчать.

Пользуясь моментом, Игорь сказал: – Да что ты смотришь всякую галиматью?! Болтают себе и пусть болтают, ничего ж не меняется! Как ребёнок, ей Богу...

И торопливо переключил канал. На экране возник облик нашего официального бунтаря поэта Евтушенко. Фёдоров – младший сразу решил, что старички друг друга поймут и оставил отца лицезреть, поэта – лицедея, который опять что-то брюзжал, облачённый в канареечную, с пёстрыми цветами рубаху.

Как раз – в унисон настроению отца. Но майор недооценил нашего поэта – «бунтаря». Тот, как известно, спокойно говорить не может!

С надрывом в голосе Евтушенко рассказывал как некрасиво, по-варварски входили наши танки в Прагу в шестьдесят восьмом году! (была как раз годовщина тех событий).

«Вторгались, дабы запугать молодую демократию; «Мне впервые стыдно было, что родился русским я!»

И, хоть, дескать, танки были и без боекомплекта, а солдатам не выдали патронов, но всё равно, де, это была средневековая дикость и так далее и тому подобное!... Поэта – несло! Одновременно на экране возникла кинохроника тех времён... Озверевшая толпа «непокорных» пражан поджигает беззащитную бронетехнику СССР, ГДР и Польши, бутылками с зажигательной смесью и забрасывает подневольных солдат камнями.

– Вы б., лучше бы – немецкие танки так жгли, когда страну Гитлеру без боя сдавали! – заорал вдруг отец и даже замахнулся пультом в телевизор. – В тридцать восьмом! – Вояки хреновы! Лучшие оружейные заводы в Европе имели! По танкам – Германию превосходили! Польская кавалерия, вон – с шашками в атаку шла на нацистскую бронетехнику! Вот это герои! А эти – «так разэтак и так далее...» – Ты расскажи, пижон хренов, как натовцы – Сербию бомбили!! Кассетными бомбами кварталы стирали! Совсем недавно, а не в шестьдесят восьмом! Не плакал, попугай-канареечный!?

Вдруг отец тяжело задышал и откинулся на спинку дивана. Тут майор деликатно вынул пульт из отцовской руки и быстро переключил канал на безобидного Галкина, предлагающего молодой семье выиграть десять миллионов рублей.

На сей раз экран излучал оптимизм и развлекуху. В этот момент в кадре лучшая половина участвующей в шоу семьи как раз делилась с обольстительно лыбящимся Галкиным, своими планами разумного вложения таких солидных денег. Похожий на счастливого кролика, супруг стоял неподалёку и, как китайский болванчик, кивал головой в знак полного согласия с супругой. По всему видать, в этой ячейке общества царили мир и взаимопонимание...

Если бы в этой передаче уже задавались вопросы и шёл сам процесс игры, то возможно, Фёдоров – старший и забыл бы о дуре – генеральше, и о «героях» чешского сопротивления, но сейчас не тут-то было! Старик даже снова поставил на стол чашечку кофе и забегал по комнате, выкидывая в стороны руки, как Клара Цеткин в старых митинговых кинохрониках!

– Нет, каково, а!?! – кипятился отец! – Её, суку, спрашивают почему к работе полиции у граждан столько претензий, а она и отвечает: – «Ни черта вы с полиции не требуйте! У нас всё общество больное!... Давайте сперва общество изменим!»

– Ну не наглость!?! А эти сидят, хлопают! Всю страну прохлопали! Гитлера завтра пригласи выступить – они и ему поаплодируют! Тупоголовая, подсадная аудитория кому хочешь поаплодирует! А та – сучка в лампадах – и рада! Поклонилась и уселась довольная, на место! Миссию выполнила – отбрехала, завтра премию в пять окладов получит от этого... низколобого! Всех запутала, всё с ног на голову перевернула!

А завтра благодарность от министра получит и повышение! Хотя куда уж повышать!?! Если только в министры. И эти дерьмократы хороши! Югославию разрушили, разбомбили – это у них в порядке вещей! Об этом – молчок! А когда Варшавский Договор на учебных танках по Праге проехался и никого не трогал, до сих пор усираются, не угомонятся никак! Сербов убивать можно – они русских любят! А чехов нельзя! Они ж лизуны!

Ягр, вон, хоккеист, под шестьдесят восьмым номером играет! Видите ли, – в знак памяти о советской оккупации! Я представляю, если б Овечкин нацепил номер сорок один в память о немецкой оккупации!... Небось, сразу бы, свой же тренер психушку вызвал!... А этим можно! Они, б..., маленькие! По жизни... Мал клоп, да вонюч!

У майора с непривычки вяли уши, это был явно не слоган культурного отца – филолога. Уважаемого в узких, широколобых кругах – пушкиниста! Видать и его ухитрились довести...

Игорь вновь переключил телевизор и молчал, якобы внимательно вглядываясь в экран, где Галкин уже задавал свой первый вопрос. Майор даже сделал телевизор погромче, надеясь перенести зрительский запал отца на мирную интеллектуальную передачу.

– Нет, ты верни мне ту дискуссию! – потребовал вдруг отец тоном, не терпящим возражений! – Я хочу знать, к чему же они придут в итоге! К чему мы все скоро придём! Мне важно, что скажут другие участники!

Игорь нехотя повиновался и совершенно напрасно. Пожалуй, лучше бы он заартачился и не стал переключать. Поспорил бы тогда старик немного, поворчал, да и угомонился...

Сейчас аудитория уже обсуждала тему гастарбайтеров и вообще приезжих из стран СНГ и прочих республик.

Бывшая спортсменка из конькобежцев, а ныне большой чин Госдумы, тихим вкрадчивым голосом говорила, что любой дворник у нас, как правило – кавказец, и, делает для нашей столицы куда больше чем свой, русский пьяница с самой русской фамилией – Иванов! А потом резюмировала: – «Что ж поделывать, если не идут наши, местные, на эту работу?»

– Всё запутала, бесстыжая! (в устах бывшего учителя русского языка – это было почти нецензурное выражение!)

– Во-первых, в дворники идут – сплошь таджики и киргизы, а не кавказцы! А во-вторых, ты добавь ещё, мол, готовы ли русские идти в дворники почти задаром, как эти, у кого на родине жрать нечего!?

Конечно вам, демагогам, выгодно брать на эти работы не пойми кого!

Внезапно он закашлялся и грузно осел на диван. Похоже, сейчас ему нужней был не кофе, а валидол! Игорь решительно переключил экран на нейтрала – Галкина, тем более, что бой за деньги там уже разгорелся всерьёз!

– Нет, сын! Ты милиционер! Вернее – даже полицейский. Офицер! Ты ответь мне... Кхе, кхаа...

Что именно Игорь должен был ему ответить, он не понял, так как папа заперхал, а, прокашлявшись, совсем затих, покорно уставясь в экран и держась за сердце. Только сейчас майор понял, что старик уже, малость тяпнул где-то, а в следующую минуту увидел на полу, у изголовья дивана, початую бутылку коньяка «Московский».

Деда пора было укладывать, а самому принять ванну и собраться с мыслями. В ответ на предложение укладываться спать старик раскапризничался, как ребёнок (вот уж и впрямь, что стар – что мал!); он гундел, что никто его не понимает и даже выслушать не в состоянии, и разумеется, о том, что, мол, «мы такими не были»...

А потом вдруг резко засобирался домой «к родной жене, которая одна лишь его понимает». В другой ситуации Игорь бы ни по чём не отпустил отца; обнял бы, усадил на диван, они бы допили начатый папашей коньяк, а там глядишь, и новую бы откупорили... Но сейчас майор понимал, что во-первых, сегодня пить ему больше не надо; как, впрочем, и разволнованному отцу (семьдесят лет, а так и не научился брехню телевизионщиков воспринимать мимо ушей!).

А во-вторых, сейчас непременно надо побыть одному, собраться с мыслями и хорошо выспаться. Пока майор вызывал отцу такси, тот смотрел на Игоря пытливо и укоризненно: ни дать ни взять – старшина из песни Высоцкого:

– «... а винтовку тебе? А – послать тебя в бой?...»

Старик очень любил и Высоцкого, и эту песню. Хотя, сказать по правде, неизвестно кому и на кого сподручнее так смотреть. Когда речь идёт о поколении «воевавших сыновей и не воевавших отцов»...

Машина приехала быстро, они с отцом обнялись на прощанье, как было заведено, и вскоре Игорь уже был в ванной. Отрегулировав струю воды, до состояния – еле тёплая, он от души набухал на дно морской соли, не спеша разделся и, достав с полки томик Акунина (у кого ещё в ванной есть книжная полка!?), влез в тёплую воду...

Он догадывался, что нормально почитать не получится, – думки по работе одолеют, но чтение в такие минуты создавало в мировосприятии необходимую гармонию, позволяющую

успокоиться, собраться с мыслями... Как говорил великий Ломоносов: – «А математику уже затем учить следует, что она ум в порядок приводит». Это же можно сказать и о хорошей литературе. Именно о хорошей, ибо плохая ум приводит в беспорядок...

Первые книги этого писателя из серии про Эраста Фандорина, Фёдорову очень нравились. Куда больше, чем последующие. Пожалуй, лишь одно он с трудом принимал в авторской манере изложения – чрезмерную любовь к сверхдетальному описанию персонажей. Морщась и проглатывая такие подробности не читая, Игорь думал:

– «Для кого ты пишешь, Боря? Ведь дураки тебя читать не будут, а умные люди детали и сами домыслят! Надо же оставлять читателю хоть небольшую лазейку для фантазии!»

Чтение обычно заканчивалось тем, что он, разомлев, едва не ронял книгу в воду, что служило сигналом, о том, что пора выходить и ложиться спать.

Глава седьмая. Туарег

В отличие от своих новых криминальных корешей, Миша Зайцев отлично помнил, за что его прозвали Туарегом. Еще классе в пятом, учительница географии, которой надоело делать замечания, кривляющемуся, на галёрке Михе, в сердцах назвала его туарегом (тема урока как раз касалась полудиких племён Африки и туарегов в частности).

– Туарег! Туарег! – радостно подхватили дети. У них не заржавеет!

Поначалу Миша жутко обижался на вмиг прилипшее прозвище и даже пытался демонстративно игнорировать такое обращение со стороны сверстников, но если наиболее вежливые (или слабые) из них и обращались к нему по имени, то за глаза и они звали его Туарегом.

Пройдёт не так уж много времени и «типа реальный пацан» Миха Зайцев поймёт, что с кликухой выпала неслыханная удача. Попробуйте угадать с трёх попыток, как бы в хулиганском дворе прозвали паренька по фамилии Зайцев? Вот то-то! Замечательный старт для авторитетного в будущем пацана! Как говорится, – «на хрена волку жилетка – по кустам её трепать?» А вот когда на родной наш авторынок попёрли знаменитые немецкие внедорожники «Туарег» – символ мощи, скорости, да и вообще успеха, Михаил готов был молиться на свою бедную учительницу.

Он даже не прочь был помогать ей финансово, кабы старушка не отошла уже в лучший из миров... Естественно, впоследствии все молодые хулиганы и прочие лихие ребята не сомневались, что окрестили Зайцева в честь мощного красавца – джипа. Видать – за невиданную мощь и удачу. К тому же вряд ли кто-то из них догадывался о существовании народа туарегов, равно как и о необходимости посещения уроков географии. Одним словом, Туарег – это теперь звучит гордо!

В детстве Туарег и Ротан были приятелями, жили сравнительно недалеко друг от друга и иногда гоняли в футбол на соседнем пустыре. После школы жизнь на время раскидала их, а потом они встретились, но каждый пошёл своим путём. До поры до времени.

Туарег подался в компашку к лихим ребятам, но не в «бригаду», а именно в компашку. Он всегда был сам по себе и себе на уме. А поскольку он с восьмого класса занялся самбо и весьма преуспел в этом виде спорта, вполне понятно, что этот весомый фактор добавил ему авторитета. Сила – у нас всегда была и будет в почёте! Поговаривали также, что он стал знатным каталой. По-научному – карточным шулером. Но об этом было известно немного.

Ротан же поступил в Рязанское высшее военное училище ВДВ. Учился он, прямо скажем, не примерно, а вскоре стало окончательно ясно, что наша, некогда незыблемая империя, теперь собирается со всеми вокруг дружить. Окромья отдельных народов на собственной территории.

Ротану вовсе не улыбалась перспектива ездить в вечно дымящиеся кавказские горы, и перед медосмотром, курсант упился крепчайшего кофе, и умело «закосил» в медчасти – через мнимые проблемы с сердцем. Выпив несколько чашек подряд, он ещё для верности поприседал перед плановым медобследованием. И чуть не вогнал врачей в панику. Служить с таким сердцем было нельзя, да и просто ходить – опасно для здоровья.

– Довели вас ваши сверхнагрузки на тренировках, видимо! – проворчал председатель медкомиссии, с изумлением разглядывая мощный и рельефный торс десантника. (Увидели бы сейчас те врачи нашего «сердечника»)!

Так, с середины третьего курса, его благополучно комиссовали. Можно, конечно, было и «не косить». Окружающий бардак, в принципе, позволял уйти, что называется, внаглую, но осторожный, расчётливый Ротан решил, что поскольку всякое в жизни бывает, стоит подстраховаться. К тому же, в той ситуации ещё неизвестно было, как всё повернётся. Впоследствии Ротан не раз себя похвалит за ту предусмотрительность! Немного театра и – получите заключение врачей! Индальгенция на сто всевозможных случаев вперёд! «У человека нелады

со здоровьем, граждане судьи (следователи, начальство, докучливая жена, постылые соседи с неизбежной выпивкой) – извольте отвалить! Я болен бледной немощью!»!...

Пройдут годы, и при устройстве уже в полицию, у парня возникнут некоторые проблемы, но в итоге все сойдется на врачебной ошибке в медчасти военного училища – и делу конец!

Вернёмся, однако, к нашим баранам, а точнее к Туарегу. С детских лет Миша слыл непоистой. Люди про таких говорят: его бы энергию, да, в мирных целях! Может он бы и направил её на что нибудь путное, хоть бы и в той же секции самбо, куда, после серьёзного разговора с школьным директором, буквально приволокла его бабушка. Надеюсь, что на занятиях по борьбе «из сорванца повыбьют дурь»...

А между тем, в парнишке прорезался недюжинный талант борца. Как выразился его первый тренер, парень просто создан для борьбы самбо. Ну, – создан – и создан. Мало ли из тех, кто был для чего-то серьёзного создан, сгинули непонятно где?

Кто-то спился, кто-то, как говорится, «под каблук попал» и стал потерян для общества, кто-то просто обленился и коротает век в охране. Сутки с дубинкой, три дня с удочкой... Дело ведь не только и не столько в том, что тебе дано от Бога, а в том, как ты это реализуешь.

Хочешь ли ты прокатиться, не напрягаясь, на своём таланте или готов пахать и трудом приумножать то, что тебе дано свыше. Как говорится – на Бога надейся, а сам не плошай! Туарег не был лентяем (равно как и особенным трудягой, впрочем), но...

Просто он понял, что можно всю жизнь тупо фуговать на борцовском ковре, ломая кости себе и противникам, иметь отслоение сетчатки глаза от бесчисленных бросков и падений, режимить как проклятый, а потом, не скопив даже на ВАЗовский автомобиль, охранять какого-нибудь «папенькиного придурка». Который будет тебя «строить», где надо и не надо и учить, как жить. Подставляться под пули за его сраный портфель с липовыми документами и мечтать, чтоб он тебе «штуку в деревянных» к зарплате накинул. За выслугу годов и вредную работу.

А тот, спуская «котлеты зелёных», на своих шлюх, будет рассуждать о том, что охранником может быть любая обезьяна и такая работа стоит не больше, чем он платит. Что поделывать, если у нас в стране прилично получают лишь футболисты с хоккеистами? Всё это наблюдательный и внимательный с детства Миша понял достаточно рано. Умный ведь не тот, кто точно знает, что ему надо, а тот, кто вовремя понимает – чего ему точно не надо! Ну а тот, кто ещё и всегда ухитряется знать – что ему надо, – тот просто мудрец!.. Или (что скорей) уж совсем дурак.

Но не будем отвлекаться.

Оценив всю правдивость поговорки, что, де, с трудов праведных – не нажить палат каменных, Туарег стал размышлять о поле деятельности, способной эти палаты ему обеспечить. И желательно минуя при этом палаты морга или больничные, которые, увы, всегда где-то неподалёку от каменных.

Прежде, чем нехитрые размышления привели его к выводу, что без криминала ему серьёз не подняться (но ведь и криминал разный бывает), он чуть не попал в ряды каскадёров. Не секрет, что работать каскадёром может лишь бывший спортсмен, причём его квалификация должна быть не ниже «Мастера спорта России». Такое положение – что поделывать? Интересно, что вид спорта не суть важен. Одним словом, ты можешь быть принят на официальную работу каскадёром, будучи мастером спорта по настольному теннису и не принят являясь кандидатом в мастера по вольной борьбе или акробатике. Положение это в годы юности Туарега соблюдалось неукоснительно, хотя и вызывало массу насмешек и критики со стороны специалистов. Очевидно, принималось это положение из благих намерений, дабы отсечь и тем уберечь от опасной работы людей малоподготовленных и недостаточно профессиональных, но, как и многое из свода наших законов и положений – призванных облагодетельствовать массы, было не додумано и бестолково.

Туарег был так называемым – «крепким» кандидатом в мастера спорта» по самбо. Это значит, что он многократно подтверждал это звание на различных турнирах и, что называется, «подпирал под мастера». И вот, в один прекрасный день его заметил известный кинорежиссёр, народный артист Пересвет Ослохан. Старому чудаку срочно понадобился для эпизода в новом фильме хороший, колоритный борец. Режиссёр, к слову – сам большой любитель единоборств, самолично приехал на турнир по самбо и там среди трёх-четырёх подходящих ребят отобрал и фактурного Зайцева. Незадолго до того в стране грянул очередной осенний кризис, налички у всех было в обрез, и режиссёр решил, минуя заморочки, с официальной гильдией каскадёров, где, по его словам, «обожают нал, а предлагают – кал» – самостоятельно подобрать неизбалованных деньгами и заказами ребят. Сыграв на верной заманухе: – «В кино сниматься хочешь!?!»

Ну, а кто ж не хочет?

Вот и Зайцев захотел. Нельзя сказать, что тщеславие с детства распирало парня, но вполне практичный и наблюдательный малый успел заметить, что от известности и творческого успеха, как правило, очень недалеко и до хороших денег. Как, впрочем, и наоборот. Но это самое – «наоборот» Мишу Зайцева интересовало мало. Ему хотелось именно денег, а слава пусть остаётся Гагарину!

Кстати, тут хочется заметить разной телешантрапе, которая именуется своей телепопулярностью – славой. Ребята! Слава бывает – только боевая! В исключительных случаях – слава бывает спортивной! Слава – Всегда связана с подвигом.

А то, что вы надрачили в мыльных сериалах – это – популярность. Причём, зачастую, увы, дешёвая... Популярность Настоящая была у Демьяненко, после роли Шурика.

День знакомства с Ослоханом Туарег запомнил очень хорошо. Шёл Открытый чемпионат Москвы. Проиграв схватку за выход в финал, победа в которой, к слову, обеспечивала бы ему долгожданное звание Мастера спорта России, он вышел на поединок за третье место готовый от злости разорвать хоть Александра Карелина, а хоть Федю Емельяненко!

Свирепо вращая глазами, он влетел на ковёр, шлёпнул по протянутой для рукопожатия руке соперника и, не дожидаясь свистка рефери к началу схватки, вошёл в захват. С первых секунд он смёл противника в партер, а оказавшись сверху, мгновенно утащил под мышку его голеностоп. В резком падении назад и чуть в сторону провёл жесточайшее ущемление ахиллова сухожилия. Бедняга – соперник вскрикнул от резкой боли и забарабанил по ковру обеими руками. Досрочная победа! Зал хищно взревел! Самое интересное, что схватку эту Ослохан не видел, так как собирался ограничить свой выбор лишь финалистами турнира, а они, разумеется, выступали после поединков за бронзу. Но когда режиссёр, в окружении свиты, ещё только высматривал себе подходящее место на трибуне к финальным поединкам, крик злосчастного соперника Туарега и рёв зрителей заставили творца обратить внимание на происходящее.

Поверженный, корчившийся на ковре борец и колоритный, по-зверинному оскалившийся победитель – Туарег, воздевший сжатые кулаки над головой, одобрительный гомон охочей до крови публики... Всё это так впечатлило чувствительную режиссёрскую натуру, что он и думать забыл про место на трибуне и про собственный кастинг, и прямо у ковра сунул разгорячённому Туарегу свою визитку. Добавив, разумеется, к презенту и убойную фразу про съёмки в кино. Бережно прихватив карточку за края (так сыщик прикасается к вещдоку), Михаил небрежно растолкал ватагу ринувшихся к нему с поздравлениями знакомых и мало знакомых болельщиков (у победителей всегда поздравляющих больше, чем надо) и устремился в раздевалку. Наскоро скинув раскисшую от пота форму, он внимательно изучил визитку...

«Режиссёр-Постановщик при Союзе кинематографистов Российской Федерации, народный артист России Ослохан Пересвет Маркович». Впечатляет. Тут надо чуть подробнее остановиться на фигуре Ослохана. Все его фильмы похожи один на другой, как детки в семье алкоголиков. Они хорошо известны, их даже как бы любит народ. Но любит, как-то средне, без энтузиазма.

В фильмах его отсутствует социальный протест, подтекст и вообще какие-либо мысли, кроме, разве что – «бедность не порок, а чудеса случаются». Но фильмы эти немножко востребованы, так как нацелены на среднего серого человечка, которого обижают в жизни, которому не везёт... А он, – вот, поди ж ты – умеет радоваться и тому, что есть: солнышку, чистой ключевой водице, пению воробья...

В каждой ленте непременно присутствует затерявшийся в серых буднях герой, который в юности занимался боксом или, реже, карате. Ибо добро, разумеется, должно быть с кулаками. Мысль не новая и опять же популярная в народе. Обычно этих «суперменов окраины» играл великолепный актёр Александр Подпругов. Играл и играл – молодежавый наш, пока совсем уж не состарился, как и сам Ослохан. Но старость для режиссёра – ещё полбеда, а, вот, для актёра...

На сей раз главный герой предполагался дзюдоистом (вероятно в свете уважения к фигуре Президента Российской Федерации) и ему предстояло перебороть силы зла в лице банды скинхедов, не дающих прохода местной кавказской семье, где глава, крепкий, гордый горец, работал дворником в местном ЖКХ, а его жена за долю малую обучала соседских детишек урокам рукоделия. Бритоголовые негодяи, совсем бы затерроризировали кавказскую семью, если бы не вмешательство ниспосланного им Аллахом, хорошего русского парня.

По сценарию – он вызвал на поединок монстроподобного главаря «скинов», внешне напоминающего помесь бегемота с бультерьером. Нахватав в начале драки жутких ударов, наш герой, уже в бессознательном состоянии (каков драматизм!) сумел провести удушающий приём на полуметровой шее бритоголового чудовища! Оба попадают в больницу, причём потрясённое «чудовище» как-то переклинило (видимо какие то сосуды пережало, ведущие к центрам агрессии) и, отлежавшись после тяжёлого удушения, главный скин исправился, уверовал в бога и думать забыл о своём неприглядном прошлом! Добро торжествует и все радуются. Свирепый, харизматичный, с волевым подбородком Туарег вполне подходил для роли «добра с кулаками».

Стоя в душевой под тугими струями воды, Миха с удовольствием прикидывал, какие перемены в жизни может сулить ему эта неожиданная встреча. Ему уже виделась карьера киноактёра, высокие гонорары и толпы поклонниц. Одного он не мог понять: чем он, довольно-таки нескладный и, как выражалась его бывшая невеста, – «сработанный топориком» парень, мог заинтересовать маститого кинорежиссёра. Как видим, определённая скромность или лучше сказать – соразмерность притязаний, житейский здравый смысл, были не чужды мечтающему выйти в люди Туарегу. Впрочем, оставим пока его в душевой домываться. В мыслях о красивой жизни и новых, неведомых ещё перспективах!

Из успешных спортсменов, а тем более борцов, да ещё в смутные времена – была прямая дорога в ОПГ. А проще говоря – в бандиты. И, пожалуй, Туарег бы пошёл этой же дорожкой если бы не стремление к вольной, независимой от кого бы то ни было жизни. А преступные сообщества по части дисциплины (или, другими словами, ограничений свободы) могли ещё дать сто очков форы любому военному училищу. Да и принцип – «вход рубль – выход два» отнюдь не радовал Михаила...

Ему больше импонировал образ Фокса из «Места встречи...».

Помните его характеристику в устах Кирпича? – «Что он делает, никто ничего не знает. Бегает где-то один, как волк. Но не фраер – это точно!»

Туарег всегда хотел одного: жить припеваючи, никому не подчиняясь. Комбинации обстоятельств, при которых такое возможно, в жизни крайне ограничены. Если отместить богатое наследство, на которое Туарег рассчитывать никак не мог, а так же, крупный успех в лотерее, то оставался лишь один вариант – вор-одиночка. Неоднозначная перспектива. Визитная же карточка знаменитого Ослохана внезапно приоткрыла и другой путь – «свободного худож-

ника». Попав в обойму кинематографа, можно было рассчитывать на регулярный хлеб с маслом, если уж – с икрой не повезёт.

Туарег позвонил Ослохану дня через два, а не сразу, чтобы тот не подумал, что Миша жить не может без съёмок. Оказалось, Ослохан давно ждал этого звонка и даже заволновался: куда, мол, пропал его герой. После небольшого собеседования он без кинопроб утвердил Михаила на роль. Это может показаться странным, но новатор – режиссёр проповедовал теорию о том, что талантливый постановщик из любого парня с улицы может сделать актёра. Вот и теперь, подвернувшийся, как нельзя – кстати, Туарег должен был наглядно подтвердить эту сомнительную гипотезу. Впрочем, если любая кухарка может управлять государством, а отставной подполковник – большой страной, то почему любой «реальный пацан» не может сыграть в кино?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.